

Н. П. Полянский

Нижегородские воспоминания банкира

Нижний Новгород 1909-1918

2-21-2011

Н. П. Полянский

Нижегородские воспоминания банкира

Нижний Новгород 1909-1918

Санкт-Петербург
Литературный фонд России
Издательство писателей
“ДУМА”
1998

П-54
84Р1-4

Полянский Н.П.

Нижегородские воспоминания банкира. Нижний Новгород. 1909 – 1918. (Составление, вступительная статья, примечания и указатель имен Н.В. Полянского) – СПб.: Литературный фонд России. Издательство писателей “Дума”, 1998. – 88 с., вкл.
ISBN 5 - 85320 - 298 - 7

Мемуары крупного чиновника Российской империи, управляющего Нижегородским отделением Государственного банка России Н. П. Полянского (1852 – 1921) посвящены жизни Нижнего Новгорода в начале XX века. Автор самобытно описывает нижегородские ярмарки, строительство нового здания государственного банка, революционные события 1917 года в Нижнем Новгороде. Воспоминания сопровождаются некоторыми документами и фотографиями из архива семьи Полянских, а также материалами из государственных архивов.

ББК 84Р1-4

Составитель Н.В. Полянский

© Полянский Н.В., составление,
примечания, указатель имен, 1998
© Полянский А.В., послесловие, 1998
© Быков В.В., оформление, 1998
Редактор Белинский А.И.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

“В моих воспоминаниях одна правда. Выдуманного ничего в них нет. Писал для себя и моих родных. Почти вся моя жизнь прошла в провинции. Судьба заставляла перекочевывать из одного города в другой. Род деятельности давал широкое поле соприкосновений с общественной жизнью”.

Такими словами начинает свои воспоминания Николай Павлович Полянский, действительный статский советник, чиновник по особым поручениям V класса Министерства финансов, управляющий Нижегородской конторой государственного банка.

Н.П. Полянский был разносторонней личностью – умел не только много и плодотворно работать, но и участвовать во многих общественных и благотворительных акциях, воспитывать детей, со вкусом интересно отдыхать. Он был страстным охотником, с удовольствием и весьма хорошо катался на коньках, мастерски играл на бильярде, знал толк в лошадях, в юности пробовал себя на сцене и, по отзывам окружающих, неплохо пел, имея хороший голос.

Но главное дело его жизни – служба, служба в различных учреждениях государственного банка, которой он посвятил около пятидесяти лет.

“Работал, как вол, никогда не отказываясь ни от какой работы, какую мне давали; работал днем, ходил заниматься по вечерам и носил работу к себе на дом, просиживая иногда всю ночь до утра”, – так писал о себе самом Николай Павлович.

Н.П. Полянский родился 8 февраля 1852 года в городе Пскове в семье титулярного советника Павла Ефимовича Полянского (1810–1871 гг.). Мать – Евгения Александровна была из старинного дворянского рода Кинаревых.

Детство и юношеские годы Николая проходило в Пскове, в имении его деда – в селе Жединовичи, Порховского уезда Псковской губернии, а затем в Санкт-Петербурге и Тамбове.

Павел Ефимович Полянский, исполнявший обязанности вице-губернатора Тамбовской губернии, в 1871 году заболел холерой во время эпидемии и скончался.

Семья его вернулась в Псков, а Николай Павлович поступил на службу без содержания в отделение Государственного банка в Тамбове. Осенью 1871 года он также переехал в Псков, где продолжил службу в отделении государственного банка.

В 1875 году Н.П. Полянский женился на псковской помещице, потомственной дворянке Юлии Георгиевне Гуциной, состоявшей в родстве с семьей М.И. Голенищева-Кутузова.

В системе Государственного банка Николай Павлович Полянский прослужил всю жизнь, пройдя все ступеньки служебной лестницы – от канцелярского чиновника до управляющего конторой государственного банка в Нижнем Новгороде, третьем по величине и значимости городе России. За время долголетней службы он был награжден многочисленными орденами, памятными знаками и высочайшими благодарностями императора Николая II. Среди этих наград – ордена Св. Станислава III, II и I степеней, ордена Св. Анны III и II степеней, ордена Св. Владимира IV и III степеней.

В связи с новыми назначениями Н.П. Полянскому приходилось многократно переезжать со всей семьей из города в город. Кроме Нижнего Новгорода он служил в Тамбове, Пскове, Рыбинске, Вологде, Ельце, Ярославле, Воронеже. Неоднократно направлялся в командировки в Ростов, Ирбит, Верхнеудинск, Ялту. Обо всех городах, в которых он жил и работал, о нравах, быте того времени, людях, с которыми встречался, Н.П. Полянский рассказывал в своих воспоминаниях.

Особым периодом в жизни Николая Павловича была служба в Нижнем Новгороде, который назывался в то время "карманом России", куда он был направлен в 1909 году и прослужил в должности управляющего Нижегородским отделением, а впоследствии конторой государственного банка вплоть до революции 1917 года.

Главным достижением Н.П. Полянского за время его службы в Нижнем Новгороде явилось повышение роли и влияния государственного банка на экономику города. Так, до его назначения в Нижний Новгород роль государственного банка была незначительна. Подавляющее большинство финансовых операций совершалось в шести коммерческих банках города. За время своей службы Н.П. Полянский сумел кардинально изменить ситуацию и объем операций, совершаемых отделением государственного банка в 1913 году, сравнялся с общим объемом всех коммерческих банков Нижнего Новгорода вместе взятых.

Безусловно, особо значимым и важным результатом деятельности Н.П. Полянского была постройка нового здания для отделения государственного банка в Нижнем Новгороде. Величественное здание, выполненное по проекту архитектора В.А. Покровского в древнерусском стиле, было возведено под непосредственным руководством Н.П. Полянского очень быстро – всего за два года.

Торжественное открытие нового здания, приуроченное к празднованию трехсотлетия царствования дома Романовых, состоялось в мае 1913 года в присутствии императора Николая II и членов его семьи.

Следует отметить, что средства на проектирование и строительство здания были заработаны самим нижегородским отделением государственного банка, и из казны не было использовано ни копейки. Как писал в шутку Н.П. Полянский **“...этот дом был моим подарком Государственному Банку”**.

После революции 1917 года семья Н.П. Полянского, как и многие другие, попала в полосу лишений. Глава семьи потерял работу, в 1918 году умерла его жена; сыновья Уар и Алексей вынуждены были эмигрировать за границу, где и умерли; Павел и Иван были репрессированы в начале 30-х годов и погибли в лагере; сын Георгий скончался в середине тридцатых годов в Нижнем Новгороде, и только дочь Евгения относительно благополучно прожила жизнь в Нижнем Новгороде – Горьком, где и скончалась в 1964 году.

Воспоминания Н.П. Полянского о Нижнем Новгороде, которые предлагаются читателю, представляют собою лишь небольшую часть его мемуаров. В настоящее время продолжается работа по подготовке к изданию следующей книги, в которой читатель ознакомится с воспоминаниями о детских и юношеских годах Н.П. Полянского в Пскове, Петербурге и Тамбове. Написанные живым, образным языком умного, образованного и заинтересованного человека, эти воспоминания являются еще одним своеобразным документом, свидетельством эпохи, которая прошла, но всегда вызывала и будет вызывать интерес у тех читателей, кто искренне интересуется судьбами России и ее историей.

Заканчивая свою рукопись в 1921 году, Н.П. Полянский написал: **“...В некоторых местах чернила очень усердно мною разведены чаем. Весьма возможно, что они в скором времени выцветут. Труды мои тогда будут совершенно напрасны. Но, может быть, кто-нибудь из моих сыновей или внучат пожелают поручить кому-либо перепечатать эти мои записки на пишущей машинке?... Во всяком случае, это их дело, а не мое об этом просить”**.

Однако жизнь внесла свои коррективы, и только почти через восемьдесят лет его правнуки смогли приступить к публикации воспоминаний.

Рукопись мемуаров Николая Павловича Полянского, фотографии, некоторые документы и письма бережно сохранились у его потом-

ков. Составитель выражает особую благодарность своей маме Антонине Сергеевне Полянской, которая приложила много сил и времени для того, чтобы эта книга увидела свет; а также Ольге Николаевне Крашенинниковой (урожденной Полянской), Александру Владимировичу Полянскому, Анатолию Ивановичу Белинскому.

В издании были также использованы документы и материалы, имеющиеся в архивах Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Пскова, за что составитель выражает этим учреждениям и организациям искреннюю благодарность. Помощь в подготовке некоторых материалов к настоящему изданию книги оказана Главным управлением Центрального банка России по Нижегородской области, за что составитель благодарит всех сотрудников и, в первую очередь, Станислава Федоровича Спицына, начальника Главного управления.

Текст мемуаров подготовлен в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, но при этом максимально бережно сохранены особенности авторского стиля. Документы, приложенные к мемуарам, приводятся, как правило, без изменений.

Н.В. Полянский,
правнук Н.П. Полянского

Санкт-Петербург, 1998 год

НИЖНИЙ-НОВГОРОД **(1909 – 1918 г.г.)**

В Нижний-Новгород приехал я 16-го Июня 1909 года, ровно за месяц до открытия Ярмарки.

С Отделением ознакомился скоро. Дело по Нижнему мне было известно. После Управляющего – Ивана Петровича Янкина, развить операции было нелегко.

По крайней мере, заместителю Янкина, моему предместнику Александру Евгеньевичу Гутьеру, в продолжение его пятилетней службы в Нижнем это не удалось.

В Отделении я нашел большую переписку А.Е. Гутьера с Центральным Управлением Государственного Банка по поводу упадка операций в Отделении, но положительные результаты не получались. Между тем, почва для деятельности была – как в постоянном Отделении, так и во временном, Ярмарочном.

Оказалось, что надо было от времени до времени показываться Управляющему Отделением на Нижегородской бирже и вообще быть попроще и доступнее с Нижегородским и приезжающим на Ярмарку купечеством и узнавать – какие причины могут тормозить дело.

Учетно-ссудный процент в Государственном Банке всегда был ниже взимаемых процентов частными банками, между тем все лучшие и солидные векселя поступали к ним.

При сравнении балансовых остатков учетных портфелей частных банков с остатком учтенных векселей Нижегородским Отделением Государственного Банка, таковое оказалось на последнем месте. Само собою, разумеется, оставить так дело было нельзя.

Пришлось энергично действовать, но действовать, конечно, с тактом и без всяких зазываний.

После знакомства с Нижегородским купечеством на бирже я начал делать им визиты. Почтенное купечество очень любит, если

к ним иногда завернешь как-нибудь совершенно запросто после обедни или после биржи. Надо знать также дни именин и дни именин их жен. Некоторые в эти дни любят принимать, нужно было быть в курсе всего этого.

Чрез несколько времени, когда меня ближе узнали и в Нижнем-Новгороде, нашлось много прежних моих знакомых, так как я большую часть своей службы провел в ближайших к Нижнему городам, мне они сами стали говорить, что нужно было сделать для увеличения нижегородского операционного дела.

– К Вам, – говорили, – совершенно нельзя ходить. Из Вашего банка гонят вон. Ведь кто у Вас сидит в комитете – одни лишь киты нижегородские?! Нет, теперь время китов, на которых держался Нижний-Новгород, прошло. Жизнь, благодаря банковому кредиту и проникающей в нашу среду культуре, идет гигантскими шагами вперед. Нельзя на нас все время смотреть, как на маленьких детей. Крупный капиталист где угодно найдет себе кредит, даже и вне Нижнего-Новгорода, а вот Вы лучше маленьким помогайте. Ведь если придет к вам маленький, но порядочный человек и деловитый торговец и Вы ему откроете кредит в 2-3, а то и в 5-ть тысяч рублей, то ведь он, уходя от Вас, в часовню зайдет и свечку о Вашем здоровье поставит.

Само собою разумеется, что я в банковом деле был далеко уже не новичок. Многое знал и сам, о чем мне говорили, но все же такие разговоры были мне полезны.

Осведомившись о крупных торговых оборотах в селе Богородском, Нижегородской губернии, и в посаде Павлове – в первом по кожевенной торговле, а во втором, как фабричном районе железных и скобяных изделий; затем узнав о большой торговле в селе Мурашкине мехами и лично познакомившись с некоторыми торговцами из названных местностей, я пригласил из села Богородского, посада Павлова и из села Мурашкина по одному члену Комитета, предполагая в будущем пригласить и еще.

Затем, не беспокоя Нижегородских глубокоуважаемых членов Комитета, заседавших в Отделении несколько десятков лет, увеличил число их новыми тремя членами, имевшими широкое знакомство в Нижегородской торговой среде, и не чрез своих доверенных и приказчиков, а личное.

Точно так же я поступил по отношению к временному Ярмарочному Отделению.

Кроме того, состав служащих Нижегородского Отделения оказался не вполне на высоте своего назначения. Некоторые из банковских чиновников грубо обращались с публикой, гоняя без толку от одной форточкой к другой; много было лишних инстанций и т.п.

Хотя я стал похаживать по Отделению, и состав стал как бы подтягиваться, но многие из служащих были совершенно безнадёжны.

Ну, думаю, дело здесь дрянь. Разгонять состав служащих без особых причин нельзя, а придется строже редактировать вновь поступающих.

Пользуясь всяким случаем, я стал заполнять открывающиеся вакансии служащими из тех Отделений, с которыми служил раньше и лично их знал. Управляющий Банком и директор канцелярии Центрального Управления пошли мне навстречу. Все мои представления исполнялись.

Единственно, что я находил принципиально недопустимым – это делать представления о назначении к себе в Отделение Контролеров.

Должность Контролера в Отделении весьма ответственна. Контролер, как и все служащие, в порядке службы находится в подчинении у Управляющего и остановить дело, направленное по распоряжению Управляющего, не может; но ему представлено особое право делать о своем несогласии с распоряжением Управляющего заявления.

Это делается чрез тех управляющих, с которыми они служат, а иначе заявление примет форму доноса.

Весьма важное значение в Отделении имеет бухгалтер. Но обязанности бухгалтера не только хорошо знать дело и следить за работой служащих и за обращением их с публикой, но и за самой публикой.

Хороший бухгалтер должен по часам знать – кто, когда и зачем в Отделение пришел и когда ушел.

Управляющим следует чаще заглядывать в операционный зал. Мне нередко приходилось видеть в зале какого-либо скупающего

клиента. Подойдешь к нему и только начнешь с ним о чем-нибудь разговаривать, как ему уже кричат: "Пожалуйста в кассу, Вам все готово".

Особенно стали избегать служащие жалоб на них. Разумеется, бывали случаи, что нервная публика не всегда в своих жалобах права. В каждой такой жалобе необходимо разобраться и конкретно улаживать. К моему удовольствию жалобы эти стали поступать все реже и реже, а потом и совсем прекратились.

Чрез несколько времени операции Отделения так разрослись, что стоявшее в хвосте по своей операционной деятельности введенное мне Нижегородское Отделение Государственного Банка по сравнению с местными частными банками заняло первое место; а к 1913 году – ко времени окончания нового для Отделения здания – операционный баланс Нижегородского Отделения Государственного Банка, а также чистая прибыль сравнилась с балансовыми цифрами всех Нижегородских банковых учреждений в общей их сложности.

17-го мая 1913 года Нижегородское Отделение Государственного Банка в присутствии Государя ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го и бывшего в то время Министром Финансов Владимира Николаевича Коковцева, преобразовано из Отделения в Контору Государственного Банка.

О посещении Государем Императором Нижегородской Конторы у меня составлена особая записка.

II

Во временном Ярмарочном Отделении Государственного Банка пришлось увидеть ту же запущенность дела, как и в городском.

Состав членов Комитета был огромный, но только на бумаге. На самом деле заседания были малолюдные, так как все члены Ярмарочного Отделения Государственного Банка отвлекались для занятий в частных банках, в которые поступал почти весь ярмарочный учетный материал.

Кроме того, в члены Комитета представлялось купечество по традиционному списку. К утверждению представлялось много и таких лиц, которые несколько лет как прекратили свои поездки на

Ярмарку и, наконец, из некоторых местностей, которые ведут торговлю с Нижним-Новгородом, не было совершенно членов Комитета.

К следующей Ярмарке – к 1910 году – я за полгода до открытия Ярмарки сделал всем бывшим в 1909 году членам временного Ярмарочного Отделения запросы о том, – предполагают ли они прибыть для торговли в Нижнем в предстоящую Ярмарку?

И вот, когда из полученных ответов увидел, что многие по изменившейся у них торговле перестали ездить на Ярмарку, а некоторые даже и умерли, – я пополнил состав Ярмарочного Комитета торговцами из тех местностей, откуда не было в Комитете представителей, еще несколькими новыми лицами, осведомленными с Нижегородской Ярмарочной торговлей.

Дело с каждым днем начало расти. В газетах как Нижегородских, так и столичных, стали появляться заметки, что кредит в Ярмарочном Отделении Государственного Банка стал вполне доступен; что Государственный Банк переменял в этом отношении свою политику; что банковские чиновники во Временном Отделении стали неузнаваемы – публика отпускается быстро, длинные “хвосты” пред кассами и операционными форточками отошли в область преданий и т.п.

В 1909 году, первом по управлению мною Нижегородским Ярмарочным Отделением, было учтено векселей в два раза больше, чем в 1908 году. Затем с каждым годом операции стали расти, а вместе с сим и моя популярность, как банковского деятеля.

Начали обо мне поговаривать и в Москве. Ведь Нижегородская Ярмарка кишит москвичами.

Как-то во время одного из моих приездов в Петербург встречаю я у Клавдии Петровны и Алексея Владимировича Коншиных (Алексей Владимирович был в то время Управляющим Государственным Банком) бывшего моего сослуживца по Государственному Банку – Директора Волжско-Камского Коммерческого банка Василия Васильевича Виндельбандта. Затем получаю приглашение навестить его.

По приезде моем в Волжско-Камский банк Василий Васильевич сказал:

– Не желаете ли Вы, Николай Павлович, перейти на службу к

нам в Волжско-Камский банк? Ведь частная служба оплачивается значительно лучше государственной, а мы могли бы в данное время представить Вам хорошее Отделение. У нас открывается вакансия в Харькове, а Харьковское Отделение считается одним из лучших, да и город Харьков хороший. Ну, что Вы на это скажете?

Я горячо поблагодарил Василия Васильевича за предложение, но сказал, что, к моему большому сожалению должен отказаться.

Причиной сему то, что операционная деятельность Нижегородского Отделения Государственного Банка за последнее время сильно развивается и что все цифровые данные за то, что оно после постройки нового дома для Отделения, председателем строительной комиссии которого я состою, будет преобразовано в Контору.

Дом строится в древнерусском стиле в память трехсотлетия дома РОМАНОВЫХ. Ко дню окончания постройки ожидается приезд в Нижний-Новгород Государя ИМПЕРАТОРА. С преобразованием же Отделения в Контору я в служебном отношении буду совершенно устроен.

– Ну, Николай Павлович, очень жаль, – ответил мне Василий Васильевич. – Все же я советую Вам, пользуясь сделанным предложением, познакомиться с Петром Львовичем Барком и Александром Афиногеновичем Мухиным.

Мухин мне сказал, что они предложили мне лучшее, что в данное время только могли, и что в Харькове я одновременно был бы назначен агентом Северного страхового общества, дающего заработок не меньше службы Управляющим. Раскланявшись с Мухиным, пошел к Петру Львовичу Барку.

Петра Львовича я знал по службе в Государственном Банке. Он меня вспомнил.

Я ему сказал приблизительно то же, что и Василию Васильевичу Виндельбандту.

– Да, – ответил мне Петр Львович, – я вполне понимаю, что в данное время для Вас затруднительно принять наше предложение. Ну, а если в будущем мы Вам сделаем предложение в Петербург или Москву, Вы тоже откажетесь?

– Нет, – говорю, – тогда не откажусь.

— И так, пока до свидания, Николай Павлович. Мы будем иметь Вас в виду, или в Петербург, или в Москву.

На этом мы и расстались.

Спустя несколько времени и при других совершенно обстоятельствах Петр Львович Барк вероятно о своих мне словах вспомнил.

Управляющим Государственным Банком уже был Иван Павлович Шипов. Новый дом в Нижнем-Новгороде построен и Отделение преобразовано в Контору Государственного Банка.

Весной в 1914 году уходит из Москвы Управляющий Московской Конторой Государственного Банка Александр Иванович Светлицкий в члены Правления Волжско-Камского банка. Петр же Львович Барк был уже с год Министром Финансов.

И вот я получаю из Петербурга телеграмму о том, что Управляющий Банком предлагает мне назначение на должность Управляющего Московской Конторой.

Само собою разумеется, что Иван Павлович Шипов, выдвигая меня на виднейшее место по ведомству Государственного Банка, озаботился предварительно заручиться на это согласием Министра.

Думаю, что здесь Петр Львович меня и вспомнил, а также и сказанные им слова о Москве или Петербурге.

Все мне говорили, что с отказом от Москвы я поступил неосмотрительно. Но, во 1-х, я был очень утомлен срочной постройкой к приезду в Нижний-Новгород ГОСУДАРЯ нового для Отделения дома. Громадное здание, выросшее из земли в два строительных сезона, несомненно, лучшая постройка в древнерусском стиле во всей России. Постройка была связана с множеством детальных условий стилистики здания, с большими чеканными работами дверей, эмалевых черепичных медных крыш над шатрами, художественной росписью потолков, железобетонных работ по устройству сводов, сложных железных ферм при покрытии здания и, наконец, художественной чеканной работой по мраморной облицовке здания.

Приходилось работать не только днем, но и по ночам. Дом во время зимних работ был зашит в обшитый кошмой деревянный чехол с устроенными в чехле железными печами и электрическим

освещением. Затем столько было разных задержек с поступлением на постройку мрамора для облицовки. Между тем все работы были спешные и одна в зависимости от другой.

Одним словом, меня, как председателя строительной комиссии, рвали на клочки. А тут, нет-нет, да приедет из Петербурга бывший в то время Управляющим Государственным Банком Алексей Владимирович Коншин и начинает подгонять:

– Я о том, что дом будет готов, доложил уже Министру Финансов, а Министр ГОСУДАРЮ. Если мы с постройкой не успеем, то и мне, и Вам, Николай Павлович, придется уйти в отставку.

Предварительная смета расходов составлена была очень скупно. Это из нежелания, вероятно, лишних пересудов о стильности постройки. Нужно было очень экономить. В этом отношении мы дошли чуть ли не до скаредности.

Я и теперь невольно краснею, когда, осматривая банк, один из французских инженеров, бывший в Нижнем вместе с представителями французского национального банка, постучав рукою по деревянному подоконнику в большом зале, обращаясь к одному из них, сказал:

– Этого я никак не мог ожидать! Камня, кажется, в России много.

Этими подоконниками Здание Нижегородской конторы обязано архитектору наблюдателю – архитектору Московской Конторы Государственного банка – гражданскому инженеру Богдану Михайловичу Нилусу.

– Хотя Вы милый и веселый человек, Богдан Михайлович, но знайте, что этого я Вам не прощу никогда.

Вся постройка, кроме покупки места, обошлась около девяти-сот пятидесяти тысяч рублей. Всякий, хотя немножко понимающий в строительном деле человек, скажет, что это удивительно дешево. Еще в то время, до войны, этот дом ценили в 2-3 миллиона рублей. Особенность же этого расхода для Государственного Банка еще и та, что большинство строящихся домов в провинции затрагивают средства Центрального Управления, дом же в Нижнем-Новгороде оказался построенным за счет развившихся операций Отделения. Все расходы по постройке были покрыты собственными прибылями Отделения с большими в пользу Банка остатками.

Я в шутку иногда говорил, что этот дом Государственному Банку с моей стороны подарок.

Разумеется, после такого утомительного дела мне хотелось хотя бы годик-другой отдохнуть и посидеть в Нижнем. Квартира вышла у меня прекрасная. При доме разбил хорошенький садик. Посадил много цветов. Чтобы не вывозить из-под фундамента и при планировке двора землю, сделал в саду живописную, с выходящей дорожкой горку. На горке поставил скамеечку, посадил вишневые деревья и ягодные кусты: малину, красную и черную смородину, крупный штамбовый крыжовник, развел клубнику Викторию и устроил грядку со спаржей. Выстроил маленькую тепличку.

Одним словом, из грязной навозной и мусорной площадки, загроможденной остатками щебня и проч., вышел чудный культурный садик.

Я не честолюбив, карьеру делать не собирался. Знал, что Нижний-Новгород или Москва предел моей службы по ведомству Государственного Банка. Года мои, чтобы прыгать с места на место стали не те. Правда, Москва дала бы мне больше козырей для перемены Государственной службы на частную, которая лучше оплачивается, но это при желании всегда можно было бы сделать и из Нижнего.

В Нижнем-Новгороде я мог жить, не выходя из своего бюджета, между тем как в Москве все бывшие Управляющие там проживали. Управляющие частными банками оклады в Москве получают огромные. Тягаться с ними в сношениях с Московским купечеством было бы непосильно, между тем нам, Управляющим, надо везде бывать, а также принимать у себя и участвовать в общественной жизни, что, несомненно, стоит денег.

Частые переезды из города в город для меня, как человека многосемейного, крайне разорительны. Банк путевые пособия выдавал очень скупо. Мне никогда этих пособий не хватало. При переездах я всегда входил в долги, и, в конце концов, принужден был заложить имение жены.

При жизни же в Нижнем-Новгороде, получив должность Управляющего Конторой, а также при ежегодных ярмарочных пособиях, я не только получил возможность сводить концы с концами, но

понемногу каждый год что-нибудь откладывать на выкуп заложенного имения жены.

Этот долг очень меня тяготил. Я моих родителей за прожитые ими состояния никогда не позволял себе упрекать даже и мысленно, а нынешние дети совсем другие, чем были мы. Зная себя по отношению своих детей совершенно безупречным, всякие нарекания с их стороны были бы для меня невыносимо тяжелы. Я счастлив, что имение мне удалось выкупить. С радостью повторяю это еще раз.

Взвесив все эти обстоятельства, я уже после телеграммы в Петербург о моем согласии, послал Управляющему Государственным Банком Ивану Павловичу Шипову письмо. Изложив в этом письме все тревожившие меня обстоятельства, я в заключение сообщил, что, представляя себя в его распоряжение, я все же с большим спокойствием остался бы в Нижнем-Новгороде.

Получив мое письмо, Иван Павлович немедленно мне ответил, что доводы мои он вполне разделяет и что докладывать Министру Финансов о назначении меня Управляющим Московской Конторой не будет.

Конечно, в смысле служебной карьеры по ведомству Государственного Банка, мой отказ был большой ошибкой. Положение Управляющего Конторой Государственного Банка в Москве, в крупнейшем нашем торговом центре – огромное. А главное еще и то, что служба в Москве дала бы мне возможность приобрести еще больший круг знакомств в торгово-промышленной среде.

Но все, что на этом свете ни делается, делается к лучшему. Точно также в конце 1917-го года меня не было бы в Москве, как нет теперь в Нижнем-Новгороде. И точно также я был бы совершенно разорен. Да и вообще трудно говорить о том, чего не знаешь...

Оставшись в Нижнем, я, совершенно неожиданно для самого себя, сделал одно громкое дело. Скажу о нем после.

III

Отказавшись от Москвы, мы с женой моей, Юлией Георгиевной (урожденной Гущиной), и сыном Алексеем поехали отдохнуть в

имение жены Ильино * в Опочечком уезде Псковской губернии.

Давно мы собирались это сделать, но все как-то не удавалось. То времени по службе нет, то избегали расходов. Главная же причина была та, что не было в Ильине хотя бы небольшого отдельного от арендаторского для нашего жилья домика. Не было кухни и ледника.

Все это в несколько лет понемножку я выстроил. Раскопал в старом сарайчике старинную барскую мебель, – и дело устроилось.

Ездил заранее в Ильино, чтобы купить и привезти из Опочки хорошие железные кровати с пружинными тюфяками и волосяными матрасниками; умывальник, самовар и посуду. Медную кухонную посуду нашел в том же сарае в Ильине. Оставалось только поремонтировать и отдать полудить. Все это сделал – нанял на целый год столяра для ремонта и обивки мебели – и дело, что называется, вышло одна прелесть.

Многие вещи из старой мебели из красного дерева и карельской березы вышли чудо как хороши. Обивку подобрал стильную, частью из отысканного в Опочке залежалого морозовского бархата, а частью – нашел в г. Костроме в кустарном магазине. В шкапах и комодах в том же покачнувшемся на одну сторону сарае, верно оберегавшем под заржавленными замками и моими печатями нашу дедовскую подвижность, я нашел в желтых и из красного дерева с черными углами рамках редкие гравюры. Нашел также родственные портреты, писанные масляными красками, и несколько попорченных сыростью картин.

Разумеется, все это сейчас же было развешено по стенам в порядке назначения комнат. Привез из Нижнего-Новгорода старинного рисунка голубого полосатого ситцу для занавесей на окна и драпировок.

Флигелек из четырех комнат вышел прямо-таки игрушка. С виду он неказист, потолки низенькие, но как только войдешь в домик, так сразу же невольно перенесешься в обстановку помещицкой

---

* Именно Ильино принадлежало жене Н.П. Полянского – Юлии Георгиевне, досталось ей по завещанию от ее деда – Николая Васильевича Сनावидова. Ильино было подарено прадеду Н.В. Сनावидова – Петру Тимофеевичу Сनावидову царем Михаилом Федоровичем Романовым в 1637 году.

жизни сороковых годов и проникнешься к своим предкам чувством глубокого уважения.

Во всем проглядывал у них верный и строго определенный размер жизни. Видно, что люди не только жили, а умели жить и во всем понимали толк. Между одним и другим поколениями проглядывала родственная общность и кровная связь.

Разумеется, и они не могли жить без ошибок, так как это доступно лишь одним святым, но чувство почитания родителей у них было развито гораздо больше, чем у молодежи нашего времени.

Я вставал всегда раньше, чем моя жена. Она, как и везде, любила поспать. Но зато и ложилась значительно позже. Все, бывало, читает или раскладывает пасьянсы. Особенно любила пасьянс Императрицы Александры Федоровны. Этому пасьянсу научил ее Сергей Сергеевич Озеров в Воронеже. Пасьянс очень трудный, но Юлинька раскладывать пасьянсы была мастерица. Он у нее выходил весьма часто.

Жена плохо в то время уже видела, а также и ноги были слабы. Постоянно боялась оступиться, но я все же, бывало, вытасу ее вечером погулять перед сном на двор около дома.

На левой стороне из-за огромных вековых лип светил большой круглый месяц. В воздухе сухо. Кругом тишина. Дождей в Мае и Июне месяце в том году не было совершенно. Крестьяне и наши арендаторы тосковали и служили молебны о дожде. Иногда слышалось, что где-то вдали гремел гром, а также сверкала молния, а у нас дождя все нет и нет... Я пишу про Опочецкий уезд Псковской губернии.

Вот я и уговорю Юлиньку пройтись хотя бы от дома до проезжей дороги из Нестюгина в Кротово. Идет со своей палочкой потихоньку, я ее с другой стороны поддерживаю. Дойдем до отвода и начинаем стоять и смотреть на тень густых огромной величины сосен у часовни и от старой липовой аллеи в саду...

Как хорошо летом в своей старинной родовой усадьбе!...

Куда, куда и в какую глубокую старину иногда мысленно там переносишься... Ведь сколько эти тысячелетние сосны и липы знают из жизни их бывших владельцев? Сколько поцелуев видели и сколько речей слышали!... Сколько радостных и горьких слез

лилось в тени их листвы... И сколько раз они были молчаливыми свидетелями людских сокровенных тайн...

Но вы, милые деревья, лишь только таинственно нам о былом шепчете, но шепот ваш всегда был и будет для нас непонятен.

Встав рано утром, обычно я ходил в сад к фонтану. Дорожка идет по склону бугра аллеей из старых толстых лип к горному ключу с чудной водой; холодной и чистой, как кристалл. Теперь там простой невысокий деревянный сруб, прежде же была из диких камней оригинальной формы горка, с чугунным для фонтана львом. Лев цел, но перенесен в усадьбу, т. к. его давно бы похитили. А камни оказались в соседнем селе Нестюгине. Ими обложен фронтон главного подъезда барского нестюгинского дома. Сделал это бывший нестюгинский садовник Келли.

Он, как мне передавала об этом владелица села Нестюгина Софья Алексеевна Пальчикова, потому это сделал, что у нас в Ильине все равно эти камни раскрали бы, так как арендаторы караулить их не будут, а в Нестюгине они сохранны, когда понадобятся в Ильино, то всегда можно взять.

Но как их теперь взять, если бы они действительно понадобились? Софья Алексеевна умерла. Келли давно там нет. Нестюгино уже в других руках. Что с возу упало, то, конечно, надо считать пропавшим навсегда.

Вода этого ключа, о котором я сказал, по своей кристальной чистоте и замечательно приятному вкусу прямо-таки удивительная. Я все собирался свезти несколько бутылок для химического исследования. Уверен, что результат исследования дал бы нам новую воду вроде какой-нибудь "Куваки" и т.п. для питья этой воды далеко за пределами Ильина.

Точно так же я всю жизнь собирался и собраться все же не мог произвести анализ мелкого подпочвенного сероватого камня, как бы рассыпанного по всей Ильинской земле, в некоторых местах весьма глубокого наслоения.

Ильинская земля очень плодородная. Несмотря на то, что имение это более пятидесяти лет находится в аренде, а арендаторы всегда стараются лишь о том, чтобы как можно больше с земли взять, урожаи каждый год в Ильине замечательные. Кругом иногда хлеба нет, а в Ильине есть всегда.

– Золотое это Ваше Ильино, – говорят крестьяне, – вот что! Вашей земле камень помогает. У Вас, где камень, там и хлеб.

Все это дает повод предполагать, не фосфоритный ли у нас в Ильине камень? Насколько мне помнится, залежи фосфорита прошли в России не очень широкой полосой, захватив Смоленскую губернию, часть Тверской, Новгородской и часть окончания Валдайской возвышенности. Новгородская губерния с Псковской смежная. Валдайская возвышенность оканчивается в Опочецком уезде Псковской губернии.

Так что предположения об Ильинском фосфорите получают и с этой стороны возможную вероятность.

Если бы все это анализами подтвердилось, то даже и без больших затрат, устроив лишь на реке Изгожице небольшую мельницу, можно было бы начать хорошее и полезное сельскохозяйственное дело.

А затем можно было бы придумать и с Ильинским горным источником. Чистая и здоровая вода для питья везде нужна.

В наших и соседних с Ильином лесных дачах довольно много поделочного леса для бочек и ящиков. Вполне достаточно осины, годной для спичечного производства. Все это необходимо обследовать и разработать. Это дела будущего, а теперь продолжаю о нашем времяпрепровождении в Ильине, когда мы с женою собрались там отдохнуть.

Дохожу каждое утро до источника и пью понравившуюся мне воду. Затем сажусь на скамеечку на возвышенной площадке и задумываюсь... Вероятно, на этом месте в старину была беседка, так как это конец сада и с этой площадки красивый на окрестности вид. Около площадки растут сирень и акации. Есть кусточки жасмина. Внизу под горкой заросший тростником пруд.

Посидев на скамеечке, прежним же путем возвращаюсь домой, решив, что при случае заглохший пруд следует расчистить и развести в нем карасей и, так как вода в нем проточная, то и других рыб.

Не доходя до дому, опять сажусь на устроенной мною же второй скамеечке на обрыве, любясь на посаженную также при мне несколько лет назад рядкой линию зелененьких елочек. Как, думаю, сравнительно недавно я поручил эти елочки арендаторам

Васильевым посадить, а какие уже большие успели вырасти? Это “недавно” было почти двадцать лет тому назад.

Возвращаясь домой и узнав, что Юлинька не выходила из своей спальни, иду в гостиную, сажусь в массивное дедовское кресло и опять задумываюсь... Смотрю на беленькую эмалированную мебель в одной половине гостиной и на тяжелую грубоватой работы, но из чудной карельской березы – в другой половине и люблюсь множеством развешенных по стенам гравюр... и все дальше и дальше начинаю уходить от настоящего, переносясь мысленно в глубокую старину...

Слышу, отворяется из комнаты жены дверь и она, пройдя тихонько столовую, показывается в дверях гостиной:

– Папенька, а ты здесь? Жду тебя, душенька, кофей пить. Ну, пойдем, вероятно, Саша сейчас подает.

И мы направляемся вместе пить с густыми деревенскими сливками кофей. Кофей обычно пили в столовой. Мухи – ни одной. Везде, и в окнах, и в дверях, мною были устроены сетки.

Вечерний же чай любили пить на чистом воздухе. Против нашего домика, около сиреней, сохранившихся от сада, вблизи сгоревшего старого барского дома, мы поставили три скамеечки, а посередине круглый стол. Иногда там и обедали.

Я остановился на Ильине довольно долго потому, что мы, несмотря на всю нашу любовь к деревенской жизни, все время были лишены возможности проводить лето “у себя” и принуждены были слоняться по чужим дачам.

Имение, когда я женился на Юлиньке, было совершенно разоренное. Постройки все развалившиеся. В маленьком дедовском домике жил арендатор. Доходу имение не приносило никакого. Аренду съедали земские и другие повинности. Средств поднять имение у нас не было. Для того чтобы хоть несколько следить за ним, мы ездили иногда погостить в соседние имения, – к отчиму жены Алексею Михайловичу Ирецкому, в Кротово, или к бывшей попечительнице жены – Софье Алексеевне Пальчиковой, а потом к Варваре Алексеевне Пещуровой – в село Нестюгино. Двери этих имений всегда были для нас открыты. Нас принимали, как своих родных. Но все же это не могло нас так устроить, как мы жили бы у себя.

Наконец, спустя уже много лет, мне удалось привести Ильино в возможный по нашим средствам порядок. Прежде всего я начал с надворных построек. Построил новый скотный двор, гумно, сараи и амбары, и огородил сад. Затем построил отдельный для арендаторов флигель на две половины на каменном фундаменте, с прекрасным каменным подвалом, а также выстроил избу для рабочих.

Все это строилось постепенно и в течение многих лет и стоило больших по нашим средствам денег. Построечные расходы покрывались – частью из арендных получений, частью от продаваемого от времени до времени выборочной рубкой леса, а частью за счет кредита в Псковском Обществе Взаимного Кредитования Уездного Земства. И уже потом, когда все хозяйственные постройки были в исправности, я решил построить для себя маленький флигелек из четырех комнат, отличную кухню, ледник и сарай с отделением для конюшни.

Разумеется, когда все, хотя и с большим трудом, было готово, прожить первое во всей нашей жизни лето в своем родовом гнезде было особенно привлекательно.

Поездку нашу в Ильино я обставил всеми удобствами. Взяли с собой из Нижнего-Новгорода моего курьера Федота с его женой и нянюшку Сашу. Федот расторопный и опытный человек, жена Федота за прачку и горничную, а Саша хорошо готовит. Запаслись всякой провизией. Выписал на два месяца две газеты: "Новое время" и одну нижегородскую. Взял с собою пойнтера Крака, – и двинулись.

Из Нижнего-Новгорода до г. Острова, Псковской губернии, ехали по железной дороге, а в Острове взяли автомобиль до самого Ильина через г. Опочку.

Когда ехали обратно, то накануне отъезда выписали из Опочки в Ильино опять автомобиль. Из Опочки поехали уже не на станцию Остров Санкт-Петербургской Варшавской железной дороги, а на Пустошки Виндавской дороги по чудному Витебскому шоссе, с красивыми озерами и хорошим хвойным лесом. Из Пустошек по железной дороге чрез Москву в Нижний-Новгород.

Эта семейная наша поездка в Ильино была и первая и последняя.

Началась война. Все отгулы старшим служащим были прекращены, да я и сам никогда не решился бы оставить вверенное мне учреждение в так трудно переживаемое Россиєю время. Затем началась революция.

IV

Возвращение из деревни в Нижний-Новгород для меня было необходимо к 15-му Июля, чтобы иметь достаточно времени к поезду на Ярмарку.

Временное Ярмарочное Отделение Государственного Банка открывалось ежегодно 23-го Июля и продолжало свою деятельность до 5-го Сентября.

Слух о предстоящей войне дошел до меня в последние дни нашего пребывания в Ильине. А затем, когда я возвратился в Нижний, последовал самый факт объявления войны.

На ярмарочных торговцев, в особенности Москвичей, да и на всех остальных, начавшаяся война произвела потрясающее действие.

Банки, как столичные, так и провинциальные, заволновались. Посыпались циркуляры об осмотрительности, сдержанности, осторожности, сокращении кредитов и т.п. Товару же на Ярмарке оказалось в привозе много.

Вследствие принятого направления частными банками к своим активным операциям, купечество в кредите стало страшно нуждаться и стало уже поговаривать о грядущих банкротствах.

Я начинаю созывать одно за другим совещания из представителей частных банковых ярмарочных учреждений и говорить им, что идти так дальше нельзя, что для России достаточно одного бедствия – войны, а Вы г.г. Вашими отказами в кредитах вызовете бедствие – торгово-промышленный кризис.

Мне отвечают:

– Да, мы Вас понимаем, но ведь мы не хозяева, а приказчики. За нашими плечами стоят правления, и от них зависит направление нашей деятельности.

Вижу, дело плохо, нужно решиться на что-нибудь самому. И вот, посоветовавшись с г.г. членами учетно-ссудного Комитета

Ярмарочного Отделения, при участии членов Комитета Нижегородской Конторы и двух председателей биржевых Комитетов – Нижегородского – Дмитрия Васильевича Сироткина и Ярмарочного – Аркадия Сергеевича Салазкина, я начал действовать, т.е. вести дело кредита при хороших, вытекающих из ярмарочных сделок векселях, а иногда и привозных, но имеющих целью покупки товаров на Ярмарке или для платежей по срочным на ярмарке векселям, совершенно свободно.

Пошли разговоры об этом на Ярмарке, а также стали появляться статьи в газетах. В результате к концу Ярмарки оказалось, что все лучшие торговые фирмы перешли из частных банков ко мне в Государственный. Общая сумма всех принятых к учету векселей одной Нижегородской Конторой Государственного Банка приблизилась к двадцати миллионам рублей. Говорят, что это будто бы благоприятно отразилось на нашем курсе. Было несколько биржевых заметок о том, что Нижегородская Ярмарка проходит гладко, так как торговля идет своим чередом, как будто и войны нет; что платежи поступают исправно, протесты не выше обыкновенных, несостоятельств нет и т.д.

По окончании Ярмарки приходит ко мне Председатель Ярмарочного Комитета Аркадий Сергеевич Салазкин и несколько видных представителей торгующего на Ярмарке купечества и благодарят за разумную деятельность в качестве Управляющего временным Ярмарочным Отделением и просят разрешения послать об этом телеграммы Министру Финансов и Управляющему Государственным Банком.

Поблагодарив купечество и сказав, что я исполнял лишь волю моего начальства, я высказал также и пожелание о том, чтобы результаты моей деятельности в Ярмарку первого года войны не оказались бы убыточными для интересов Казны. Говорят: “Не беспокойтесь, все у Вас будет хорошо. У Вас лучший ярмарочный материал”.

И действительно, все векселя многомиллионного ярмарочного учета были в свое время оплачены. При огромной прибыли по вексельной операции потерь не было совершенно.

К Святой неделе следующего года я получил Станислава 1-й степени. Когда поехал благодарить и представиться Управля-

ющему Государственным Банком и Министру Финансов, то Министр мне сказал:

– Не Вам меня, а мне Вас, Николай Павлович, надо благодарить. Я о Вашей деятельности на Нижегородской Ярмарке в первый год войны докладывал Государю ИМПЕРАТОРУ.

Затем о поддержке Государственным Банком торгующего купечества на Нижегородской Ярмарке было сообщено в прочитанном в Государственной Думе отчете Государственного Контролера. Я по этому поводу получил несколько поздравительных писем.

Вот, думаю, может быть и очень кстати, что я отказался от Московской Конторы. Мне тогда не удалось бы сделать такого громкого и полезного дела для Всероссийского на Ярмарке купечества.

Ровно через год приезжает ко мне на ярмарку из Москвы известный коммерсант Николай Александрович Второв. Лично я его раньше не знал, но по роду своей деятельности не мог не знать заочно.

Встречаю, конечно, и говорю, что всегда рад служить, чем только могу.

– Я, – говорит, – нарочно к Вам из Москвы приехал, Николай Павлович. Я купил “Юнкер-Банк”, и вот приехал предложить Вам место члена Правления в Москве.

– Благодарю Вас, – отвечаю, – Николай Александрович, надо подумать, дело серьезное.

– Надо, – говорит, – решаться быстро. Если сегодня ответа не дадите, то чрез два дня в шесть часов вечера позвоню Вам из Москвы по телефону, и Вы мне тогда дайте тот или иной ответ, так как если Вы не согласитесь – у меня есть другой кандидат.

– Сколько, – спрашиваю, – Вы мне предложите?

– А сколько Вы хотели бы?

Я ответить затруднился. А потом, подумав, “тысяч пятьдесят”, говорю.

– Нет, – отвечает, – это дорого, а сорок тысяч в год я Вам гарантирую. Соглашайтесь, Николай Павлович, я на Вас имею виды, как в будущем на директора-распорядителя. Мне такие люди, как Вы, нужны. Контракт пока на три года.

– Ну так что, – говорю, – стоит Вам прибавить десять тысяч рублей в год? Вы их во мне найдете.

– Нет, больше теперь прибавить не могу, а лучше помолимся Богу, – и, встав со стула, начинает креститься.

Я тоже встал, но креститься все же не решился, так как и контракт на три года меня не устраивал.

– Через два дня буду ждать от Вас ответа по телефону, – продолжает Второв, – а пока до свидания. Советую еще раз подумать. Я спешу. Приехал не один.

Так на этом мы и расстались.

Когда я рассказал о визите ко мне Второва Петру Александровичу Рукину и Матвею Емельяновичу Башкирову, то первый сказал, что “с Николаем Александровичем Второвым Вам служить было бы трудно, так как он при сношениях со своими служащими тяжел и любит, что называется, сок из них выжимать, а потом и бросить. Сорокатысячный оклад от Вас никогда не уйдет, лишь стоит Вам об этом сказать одному известному Вам нашему общему приятелю. Второв неразумно был скуп”.

Что же касается Матвея Емельяновича Башкирова, то этот прямо сказал:

– Вы, Николай Павлович, не так поступили. Вам надо было сказать: дайте мне сто тысяч рублей в год, и вот, тогда я подумаю. Тогда Второв сам бы задумался и, может быть, эти сто тысяч Вам дал бы. Вы продешевили себя, Николай Павлович, а потому у Вас дело со Второвым и не вышло.

Через два дня в 6 часов вечера Николай Александрович Второв звонил мне из Москвы по телефону за моим ответом. Я категорически отказался.

Весной в 1915 году был я в Петербурге. Зашел в Торгово-Промышленный Банк, на Большой Морской, навестить бывшего Управляющего Государственным Банком Алексея Владимировича Коншина. Он был в то время директором-распорядителем названного Банка. Принял, как и всегда, хорошо. Пригласил в первое же Воскресенье приехать к нему на дачу в Царское. Я поехал. Жил он на чудной даче-особняке генерала Галла. Вся семья была дома. Обедали, гуляли и приятно провели весь день.

Когда вечером я собрался на вокзал, то Алексей Владимирович

говорит:

– А Вы, Николай Павлович, из Петербурга не простившись не уезжайте. Мне надо с Вами еще раз поговорить о том, о чем мы с Вами сегодня говорили.

Говорили же мы о следующем:

– А что, Николай Павлович, – спрашивает меня Алексей Владимирович, – как Вы смотрите на то, если Вам представится возможность перейти на частную службу?

– Если выгодные будут предложения, то отчего же, пожалуй. Ведь я на государственной службе выслужил все, что мог.

– Вот я про это и говорю. Ведь у Вас, кроме всего того, что Вы будете получать на частной службе, пенсия будет, да и представится возможность скопить сотенку-другую на черный день.

– Хорошо бы, – говорю.

– Ну так вот, я буду Вас иметь в виду на возможную в скором времени вакансию Управляющего Отделением Торгово-Промышленного Банка в Москве. Согласны ли Вы на это? Ведь одной тантьемы * Вы будете получать тысяч тридцать в год, а если разовьете дело, то и более.

– Согласен, – говорю, – Алексей Владимирович, очень благодарю Вас. Буду вакансии этой ждать.

На этом разговор у нас и окончился.

Пред отъездом из Петербурга зашел я к Алексею Владимировичу на Морскую. Он торопился куда-то уезжать, но сейчас же меня принял.

– Если бы, Николай Павлович, я Вам сейчас предложил место место Управляющего нашим Отделением в Москве, Вы приняли бы в данное время это предложение?

– Нет, – говорю, – сейчас принять нельзя. Через несколько времени открывается Нижегородская Ярмарка. Я уже назначен Управляющим временным Ярмарочным Отделением. Моим уходом теперь могу поставить в затруднительное положение Управляющего Государственным Банком и вызвать неудовольствие на себя Министра Финансов, это может вредно отра-

---

* *Тантьема* (франц. *tantieme*) – вознаграждение

зиться на моей пенсии. Вот после Ярмарки дело будет другое.

– Да, конечно, сразу это сделать нельзя. Надо предварительно переговорить и с Управляющим Банком и с Министром. А то я на днях еду в Москву. Мы могли бы ехать вместе. Я Вас познакомил бы и с Отделением, и с положением там дела.

Я ответил, что теперь это для меня крайне затруднительно. Завтра я должен ехать в Нижний-Новгород для приготовлений к переезду на Ярмарку. С начальством своим я уже распрощался.

– Делать, – говорит, – нечего. Приходится все это отложить до осени. А теперь пока до свиданья. Мы еще с Вами послужим, Николай Павлович.

Мы распрощались.

V

Человек предполагает, а Бог располагает. От весны до осени времени много. Если железо ковать, то надо тогда, когда оно горячо.

Мне непременно нужно было бы воспользоваться совместной поездкой с Алексеем Владимировичем в Москву, а затем, чтобы закончить дело, сейчас же после Ярмарки приехать опять, в Петербург, чтобы переговорить с моим начальством и заключить с Торгово-Промышленным Банком лет на пять контракт, и дело было бы сделано.

Я, конечно, так и поступил бы, но затянувшаяся война изменила все мои планы и все мои предположения. Война свое дело делала. Торговля начала принимать другой характер. Банковская деятельность изменилась. Алексей Владимирович начал хворать глазами. Операция вышла, как говорят, не вполне удачно. Сначала он временно прекратил свои занятия в банке, а потом и окончательно.

Не решаясь менять службу во время все ломавшей и все изменявшей войны, увлекаясь возможно удачным проведением в Нижнем-Новгороде подписок на военные займы, я плотно засел на своем месте. А время уходило все вперед и вперед.

Началась революция. Все закружилось перед нашими глазами. Алексей Владимирович уехал с семьей в Японию, а на нашу долю

выпало переносить все Российские невзгоды...И Бог весть переживем ли?

С 22-го ноября 1917 года я совершенно не у дел. Живу где день, где ночь... и в голоде и холоде. Хожу совершенным оборванцем, так как весь кругом ограблен. Средств для жизни нет никаких. Помогают дочь и сыновья, а иногда и добрые люди.

Настоящее очень грустно, а потому, чтобы хоть несколько забыться, перехожу опять к воспоминаниям прошлого.

Нижегородская общественная жизнь имеет совершенно особый характер сравнительно с другими городами. Это, вероятно, вследствие огромного влияния на него Ярмарки. Сам по себе Нижний-Новгород чисто купеческий город, в нем все в руках купеческой аристократии.

Местных дворян, за исключением тех, которые, так или иначе, пристроены к государственной или земской службе, нет. Живут своими небольшими замкнутыми, весьма скромными кружками, постепенно ликвидируя "отрубным" способом свои земельные владения. Людей милых, образованных и способных среди них достаточно, но влияния на общественную жизнь они не имеют.

В Нижнем все дело в капитале. Политехнический ли институт построить, церковь воздвигнуть или памятник гражданину Минину и князю Пожарскому поставить, а то и завод для снарядов соорудить – все это дело рук купеческих и их патриотического или иной почвы вдохновения.

Стоит лишь собраться и поговорить как следует...Вовремя и кому следует умело предложить подписной лист – и дело сделано. На одном из таких собраний в моем присутствии в полчаса Нижегородское купечество "набросало" миллион рублей на постройку завода для выделки снарядов в Шуваловской городской даче. Проектированный же Политехнический институт обошелся бы городу совместно с купечеством в четыре – шесть миллионов рублей. Эскизы этого чудесного здания в древнерусском стиле работы академика Покровского и профессора Федерса я видел на одной из художественных выставок. Можно было бы любоваться им целыми днями.

Жизнь купеческая в Нижнем замкнутая. Купечество живет семьями своих родных и очень хороших знакомых, но любит, когда

“одобренный” ими человек их иногда и навестит.

Показать такому человеку, “как мы живем”, они любят и угостить умеют. Да и стоит посмотреть, как живут солидные Нижегородцы. Все в доме у них стройно и порядочно. Чистота удивительная, прислуга приличная и держит себя с достоинством. Обстановка в некоторых домах прямо-таки роскошная. Мебель дорогая, массивная. Сервировка столов тонкая. Повара в большинстве хорошие, провизия разнообразная и всегда свежая. Осетров и живых стерлядей в Нижнем сколько угодно, икры паюсной и зернистой и балыков разных сортов тоже. Водочку пьют холодненькую, мадеру старую, сохранившихся в их подвалах Елисеевских дорогих прежних марок, или Раулевскую. Коньяк тоже старый очень дорогой. Шампанское излюбленное Нижегородцами “Поммери”. Ну, что же Вам желать лучшего?

Родители держат детей в должном режиме. Дети к родителям всегда относятся с почтением, к старшим без позволения никогда не лезут и говорят: “Как Вы прикажете, папенька...”, или “...слушаюсь, маменька”. Глядишь и не нарадуешься.

Когда в купеческих домах бывают по какому-либо случаю обеда или ужины, и кроме своих присутствуют еще и близкие знакомые, то за столом идут тосты и произносятся речи. Красоты слога, правильности речи и округленности выражений требовать, конечно, нельзя; но если Вы внимательно вслушаетесь, то всегда найдете в сказанном смысл или преследуемую оратором цель. Без тостов за процветание коммерции, торгово-промышленного в России дела и финансов ни один обед никогда не обходится.

Очень много под Нижним хороших купеческих дач и имений. С удовольствием вспоминаю поездки на пароходике к Дмитрию Васильевичу Сироткину и Петру Александровичу Рукину. Сообщение на маленьком теплоходе Общества Волга “Кашевар” удобное и приятное, хозяева гостеприимные и приветливые.

Каждое же Воскресенье, а иногда и по другим праздничным дням, большой компанией родных и близких знакомых ездили в имение Матвея Емельяновича Башкирова Зименки.

На обрыве возвышенного берега реки Волги, по обе стороны дома владельца имения – Матвея Емельяновича Башкирова – идет целый ряд дач его сыновей и дочерей. Дома построены кра-

сиво и затейливо. Везде идут сухие, убитые щебнем дорожки и много цветов. При каждой даче широкие просторные террасы. Вид со стороны дач на Волгу и на заречную луговую сторону изумительный.

У Матвея Емельяновича в бассейне фонтана в саду всегда плавали стерлядки, а то, бывало, плещет приличных размеров осетр. Очень часто из этого бассейна что-нибудь шло на стол. Везде виделся порядок, довольство и достаток.

Гуляли по парку, а то и садились за карточные столики. Вечером шумной и веселой компанией на парходике Матвея Емельяновича “Башкирец” возвращались в Нижний.

Придет ли это все вновь – большой вопрос?! Но в области преданий останется вечно.

Проводить целое лето в самом городе Нижнем-Новгороде не вполне приятно. Садов общественных нет. Единственно хорошее место прогулок – это Волжская набережная – “Откос”. Но к вечеру, когда не так жарко и когда только и хочется погулять, так такая толкотня, а от шмыгающих автомобилей пыль, что противно делается.

Публика в большинстве серая, в картузах и больших личных сапогах. Дамы в платочках и косыночках, с переполненными карманами семечек. Вся бульварная дорожка усыпана окурками и шелухой от этих семечек. Кое-где валяются пустые спичечные коробки.

Бульвар этот на верхней набережной Волги очень красив. Вид на Волгу и на массу бегающих по ней пароходов, особенно нарядных вечером, когда они освещены электрическим светом с красными и зелеными на бортах фонарями, замечателен. Очень хорош вид и на деревню Бор, с синеющим вдаль лесом и огромною площадью озер и лугов, с собранным в копны и стога сеном, запах от которого, если веет с заречной стороны небольшой ветерок, переносится на городскую сторону.

Поэтично виднеются, очень только вдаль, около и в середине леса, два – три купола заволжских сельских церквей. Недурна также кленовая и липовая рощица, спускающаяся уклоном к воде почти по всему бульвару, и достаточно тенистая там, где когда-то помещался клубный павильон и где теперь площадка. Боковые

дорожки от этой площадки напоминают, очень немного конечно, дорогу к беседке в Ореанде в Крыму.

Очень красивое и благодарное это место в Нижнем-Новгороде. Оно так и напрашивается к устройству по склону к Волге дорожек и посадке нарядных декоративных деревьев, с красивыми просеками в виде панорам на Волгу. Затем недостает большой широкой площадки для симфонического оркестра.

Да и мало ли чего недостает, и что можно было там устроить! Придет время, все будет. А пока, видно, публика Нижегородская в низах своих не ощущает в этом никакой надобности.

Просвещенный человек, Дмитрий Васильевич Сироткин в то время, когда был Городским головой, вздумал было распорядиться посадить вдоль бульвара молодых липок. И что же? Как ни старался он их сохранить, как ни укреплял колышками, как ни обвязывал обручами и поручал оберегать караульщикам – все липки чрез самое короткое время оказались сломанными. Меня удивляет также и то, – неужели из живущих в прекрасных домах, украшающих этот бульвар, не нашлось ни одного человека, который хотя немножко принял бы на себя труда убедиться из своего дома – кто виновник этих хулиганских безобразий? Нет, таких лиц в этих домах не нашлось, между тем они со временем пользовались бы одним из красивейших бульваров по всей Волге.

Одно из главных и любимых Нижегородцами времяпрепровождений – это трактирная жизнь. Само собою разумеется главной причиной этому – Нижегородская Ярмарка, когда каждый нижегородский гражданин и гражданка считают своей непременною обязанностию попользоваться наслаждения, посидеть не один вечерок в каком-либо ярмарочном Эльдорадо, а то в одну ночь, переезжая из одного в другой, и во всех.

Ресторанов на Ярмарке было много. В каждом из них оркестры, певички, певцы, цыганские и великорусские хоры, танцовщицы, фокусники, рассказчики и т.п. – Везде надо побывать и все посмотреть. Огромные залы ресторанов переполнены приезжей и Нижегородской публикой. Места за столиками берутся с бою. Между столиками, с трудом лавируя с подносами, тарелками и длинными “меню” и программами артистических исполнений, шныряют с перекинутыми через плечо полотенцами озабоченные

зоркие и ловкие полове. Одеты в белые русские рубашки, за исключением метрдотеля, одетого прежде во фрак, а теперь в смокинг, и несколько его главных помощников, точно также одетых в черное, как и он.

Во всем видна система и умение вести дело. Публика в трактирах разнообразная, но со стороны трактирной администрации видимо всегда рассортированная. Даже и не такой опытный наблюдатель может это заметить по градусу согбенности спинного хребта метрдотеля и его помощников у того или иного столика.

Огромные стерляди, приготовленные по-русски или паровые с белым, с шампиньонами соусом, плавают на больших блюдах, или небольшие порционные стерлядки красиво лежат кольчиками.

Графинчики пузатенькие, а то и с длинными горлышками высокие, скромно потеют от холодной Смирновской, старой Долговской, а также двойной очистки казенной водки. Неизменные "икра и балычок" на столе. Икра, что называется, зернышко к зернышку, подана в высокой, напоминающей перевернутую верхним концом к низу сахарную голову, из толстого белого стекла красивой банке.

Разговоры ведутся негромко, так что с одного столика вы никогда не услышите того, что говорят на другом, стоящем рядом с вашим, столике.

Поминутно идет чоканье и хлопанье пробок. Иногда, после удачного сальтоморталю хорошо сложенной танцовщицы, шутки юмориста-рассказчика, или после нежно спетого романса хорошенькой певички, разношерстная публика объединяется в своих душевных порывах и зал раздражается рядом громких аплодисментов с разными выкриками одобрений.

Свободные певички между своими номерами слоняются в зале между публикою и подсаживаются, если нет возражений, к столикам. Пробочная пальба усиливается. Программы артистических исполнений на открытых сценах составляются так, чтобы чем ближе к концу вечера, тем номера были бы интереснее. Следовательно, все выдающиеся артистки и артисты выступают к концу. Все это делается в тех расчетах, чтобы публика в ожидании лучших номеров не торопилась бы к отъезду.

В отдельных кабинетах ярмарочных ресторанов идет своя жизнь. Кабинеты занимают теми компаниями, которые желают провести время хорошо и приятно, и не на виду. Кутежи в этих кабинетах разворачиваются еще шире, чем в общих залах. Компания обычно в кабинетах своя, между собой не стесняющаяся. Слушается и смотрится только то, что нравится. Артистки и артисты приглашаются в кабинеты по выбору. Здесь очень часто в плясовой вместе с танцовщицами участвует и сама публика.

Бывают в этих кабинетах и вечера на особых основаниях... Но это для меня лишь по слухам. Ни на одном таком вечере быть мне не приходилось. Я на такого рода вечерах был бы лишним человеком и не на своем месте. Мог бы стеснить других и себя.

На общественных же Ярмарочных обедах бывал не один раз. Приходилось также с компанией перебивать в один вечер в нескольких ресторанах. Что делать, наше дело такое. Нельзя, другой раз, и в трактире не побывать. Только везде такт нужен и умение себя держать требуется. Купец по этой части очень чуток и всегда поймет, с кем дело имеет. Если себя перед ним уронить, то все к Вам уважение пропадет.

Эта трактирная жизнь в Нижнем-Новгороде с окончанием Ярмарки продолжает тянуться длинной лентой и до будущей Ярмарки. Те же увлечения трактирными заведениями, но уже местными. Нет, нет, да и составится где-нибудь маленькая, но теплая компания посидеть, "по душам" побеседовать и хлопнуть пробочкой за процветание местной, а то и всероссийской коммерции и финансов, а также и за представителей именитого Нижегородского купечества, и под предлогом сих разумных пожеланий, намочить себе нос во здравие русской торгово-промышленной жизни. Разумеется пищи для ума и сердца в этом немного.

И вот начинаю я понемножку, но везде, где только можно, говорить Нижегородскому купечеству ласковые речи приблизительно такого содержания:

"Умные, разумные и деловитые Вы Нижегородские головы! Потомки знаменитого гражданина Минина! Хорошо Вы живете и много денег и добра разного наживаете, но жить Вам так дальше нельзя. Не такое теперь время, чтобы свой досуг исключительно

в трактирных заведениях проводить. Надо что-нибудь другое придумать. У Вас ведь все есть и дел хороших много, а потому от избытков Ваших и обществу уделить что-нибудь не мешало бы.

Вот что Вы, дорогие мои, сделайте. Соберите-ка Вы между собой подписочку, да выберите в каком-либо саду местечко для постройки эстрады. Огородите место заборчиком, наготовьте перед эстрадой скамеечек и пригласите симфонический оркестр. Ведь семьям Вашим в летнюю жару деваться некуда, а тут Вы найдете для себя и семей Ваших уголок приятного и разумного облагораживающего нравы развлечения.

На места можно будет ввести абонементы. Кто пожелает, тот на все лето запасется своим собственным нумерованным местечком и по вечерам, наслаждаясь хорошей музыкой, отдохнет душой и вылечит свои нервы.

Вы, говорю, устройством симфонического оркестра внесете свежую струю в Нижегородскую общественную жизнь. Ведь и на Ярмарку не всё приезжает одно лишь пьяное купечество. Иногда приезжают люди и со своими семьями. Ведь не всё для них трактир да трактир. Можно придумать и иначе вечерок провести. Найдутся желающие приехать к нам и с Ярмарки.

Вход в сад сделайте по билетам хотя бы за самую недорогую плату, а нумерованные места пред эстрадой – дело другое. Кто любит музыку, тот с удовольствием заплатит и дороже.

Так-то, друзья мои. Потомство Ваше будет вспоминать Вас так же, как вспоминает теперь Вашего предка Минина. Да и памятник гражданину Минину и князю Пожарскому, который Вы собираетесь строить, можно было бы где-нибудь около этого сада поставить”.

Должен сказать правду, некоторые слушали мои слова внимательно и отнеслись к ним сочувственно.

Когда я говорил об этом с бывшим Городским головой Дмитрием Васильевичем Сироткиным, то он отнесся к моим словам очень серьезно и ответил, что хоть сейчас готов пожертвовать на это дело из личных своих средств десять тысяч рублей. Столько же обещал дать Александр Павлович Гурьев и, конечно, нашлись бы и другие...

Не начнись война, а затем революция, я уверен, что, в конце

концов, симфонический оркестр в Нижнем-Новгороде был бы. Интеллигентных людей в Нижнем много и требования на получение обывателями эстетических удовольствий растут, но очень много приходилось выслушивать и таких слов:

“Бросьте Вы, Николай Павлович, ничего из Вашей затеи не выйдет. Мы это дело уже пробовали. Даже и артисток приглашали... Ничего путевого у нас не вышло. Вот Ярмарка придет, всякой музыки наслушаетесь, да и на танцы насмотритесь”.

У меня, конечно, после таких слов и руки опускались. Не в коня, думаю, Вам корм.

Все же повторяю, если бы жизнь в последнее время так все не изменила, г. Нижний-Новгород не отстал бы в этом отношении от других русских городов. Куда Перми до Нижнего, но и там, в общественном саду играет симфонический оркестр. А Нижний близко от Москвы.

Я, было, завел уже переговоры с одним из профессоров Московской консерватории, изъявившим желание приехать в Нижний-Новгород в качестве дирижера. Человек очень талантливый и опытный. Дирижировал симфоническим оркестром в Ялте, где я с ним познакомился. Переговоры же о Нижнем завел, когда он приезжал к нам, с известным дирижером Кусевичким.

VI

Провинциальная жизнь во всех губернских городах создается или административными лицами, занимающими видные служебные положения и любящими общество, или же местным дворянством, сохранившим состояния и связи.

Последнего в Нижнем нет, а если и есть несколько человек крупных положений, то эти лица бывают в Нижнем только наездами. К числу последних принадлежал Алексей Борисович Нейдгарт – другие его братья бывали в Нижнем редко.

Алексей Борисович принимал большое участие в местной общественной жизни, в особенности же в последнее время, когда был председателем комитета Великой Княжны ТАТИАНЫ НИКОЛАЕВНЫ. Он очень часто бывал на заседаниях местного Нижегородского Комитета, в котором я был Председателем Ревизи-

онной Комиссии. Следовательно, имел возможность часто с ним встречаться и близко его узнать. Правда, он очень любил себя слушать, когда говорил, а говорить ему приходилось много, но все же очень высоко его ставлю среди тех людей, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело. Кто Алексея Борисовича мало знал, на тех он производил впечатление человека гордого и надменного, но, в сущности, он был милейший и добрейший человек, только и желавший сделать кому-либо хорошее. Как административный деятель человек он крупного масштаба и с пользой для России мог бы занять еще более видное положение, чем он занимал. В 1918 году он был в г. Нижнем-Новгороде расстрелян революционерами.

Губернским Предводителем Дворянства в Нижнем-Новгороде был Михаил Сергеевич фон-Брин. Человек он был милый и общительный, но с расстроеными средствами.

Председателем Губернской Земской Управы был Павел Аркадьевич Демидов. Большая умница и полезный земский общественный деятель. Человек скромный и молчаливый, но когда этого требует дело, хороший оратор.

Городским головой первое время был присяжный поверенный Иван Васильевич Богоявленский. О втором же Городском голове – Дмитрие Васильевиче Сироткине – следует поговорить.

Дмитрия Васильевича Сироткина знаю я несколько лет. Помню его еще молодым человеком по Рыбинску. Дмитрий Васильевич имел судходное дело в Нижнем-Новгороде, а кредитоваться ездил в Рыбинск. Человек он самолюбивый и независимый. Поклониться, как человек не гибкий, не хотел, да и не хотел. Нижегородские торговые тузы долго не давали ему ходу. Без кредита же бойкому торговцу нельзя. Сироткин принужден был искать его на стороне. Рыбинск по своему положению во время навигации мог кредитовать всю Волгу. При первом моем знакомстве с Сироткиным он произвел на меня впечатление крепколобого деловитого самородка.

---

*П.А. Демидов – помещик, назначенный 2 марта 1918 года управляющим Нижегородской губернией (взамен губернатора А.Ф. Гирса, арестованного осенью 1917 года). Вскоре он стал официально именоваться комиссаром Временного правительства. – Истории города Горького, стр.263 .

Как-то во время моей службе в Рыбинске понадобилась справка о времени необходимого оборота по выдаваемым векселям в Волжско-Камском районе по хлебной, транспортной, лесной и нефтяной торговлям. Я обратился к Сироткину. Чрез несколько времени получил от него дельную и основательную записку. Записка эта мне пригодилась.

При первом моем приезде в Нижний-Новгород из Вологды для управления Нижегородским Отделением Государственного Банка на время отпуска бывшего Управляющего Янкина, я вместе с Андреем Ивановичем Милютиным и Николаем Ивановичем Волковым часто у Дмитрия Васильевича Сироткина бывал.

При разговорах в то время с господами Нижегородскими тузами – членами Учетно-Ссудного Комитета Отделения Государственного Банка Николаем Александровичем Бугровым, Яковом Емельяновичем Башкировым и другими – о кредитоспособности Дмитрия Васильевича Сироткина, получал ответ:

“Пусть такие, как Сироткин, кредитуются в Рыбинске, а мы им в Нижнем не даем. Молоды они еще!”

Надо знать исторический характер торгово-промышленной жизни города Нижнего-Новгорода. Как и везде, до проявления в России деятельности банков, существующих в нашей отсталой от всего мира родине всего лишь 60-70 лет *, торговля в Нижнем-Новгороде велась исключительно “на капитал”. Векселей не знали, не знали и банков.

Лишь тот мог быть купцом, у кого в сундуках хранились денежки. Всякий вел торговлю в пределах своего оборотного капитала. Кредиты допускались в исключительных случаях между собой и были для торговцев очень тяжелы.

Когда же начали открываться банки, то торговать стало легче, но все же и банки на первых порах своей деятельности весьма долгое время были в руках своих распорядителей – крупных капиталистов.

Развитие торгово-промышленной жизни в Нижнем-Новгороде несколько десятков лет находилось в крайне тяжелых условиях,

---

* Следует отметить, что в России первые банковские учреждения (“ссудные конторы”) открылись еще в первой половине XVIII века, а первые банки (Дворянский и Купеческий) – в 1754 г.

что, конечно, несмотря на все особенно благоприятные условия его экономического и географического положения, как города, находящегося в центре нашей многоводной системы, не могло не отразиться на его росте. После шумных Ярмарок, город для дела торговли “тихо опочивал”.

Все здесь дело в том, что город Нижний-Новгород много лет находился на трех китах, в лице крупнейших Нижегородских фирм: Николая Александровича Бугрова и двух братьев Башкировых (Яков Емельянович Башкиров и Матвей Емельянович Башкиров). Все делалось в городе по их указке и с их одобрения.

Стоило лишь кому-нибудь из средней руки купечества поднять голову и заговорить в Думе или на Бирже погромче, как сейчас же кто-либо из названных тузов поручал своим доверенным заняться в свое время ретивым молодцом. Ходу, конечно, ему уже нигде не давали. Названные крупные фирмы, ведя конкуренцию между собою в торговых делах, на общественном поприще всегда становились на одну точку. Г. Нижний-Новгород, следовательно, находился под гнетом капиталов крупных волжских фирм и, понятно, культурный рост его тормозился.

Нужно было иметь много энергии и ума, чтобы выбиться из этого гнета и стать на свои ноги в Нижнем-Новгороде таким лицам, как Дмитрий Васильевич Сироткин. Он проложил себе дорогу собственным своим лбом. Дела его, вследствие недостатка кредита и разнообразия предприятий, испытывали иногда затруднения, но в конце концов он вышел победителем и пред войной и революцией занял весьма видное положение среди крупного приволжского купечества.

Кроме своих личных дел и участия во многих паевых и акционерных предприятиях, он создал нефтяное и транспортное дело под фирму “Общество Волга”, в которое вступили крупными пайщиками Нижегородское товарищество Якова Степановича Чернонебова и известные астраханские фирмы: Иван Матвеевич Лбов и Иван Федорович Скрипинский.

Дмитрий Васильевич Сироткин – личность, несомненно, недюжинная. Кроме самостоятельности характера и самобытности ума, я заметил в нем черту замечательного умения разобраться во всяких культурных начинаниях. Я очень удивлялся, откуда у него

что бралось и как он мог находить столько времени, чтобы быть в курсе запросов современной жизни. И своего дела у него много и общественного через край, а он всегда успеет и прочесть что-нибудь и купить что-либо, и новинка литературная всегда на столе у него лежит. Очень хорошо научился говорить в больших общественных собраниях. И все это выросло у Сироткина в последних десятка два лет. Школьного образования он не получил никакого и жизнь мог быть затерт.

Несомненно то, что если бы при нормальном ходе общественной жизни деятельность его в должности Нижегородского Городского головы была бы продолжена, то город оказался бы в больших долгах... Но ведь что такое долги, если основания для них положительные? Город в течение десяти-пятнадцати лет мог бы вырасти до неузнаваемости, а долги уплатились бы постепенно. Для этого много можно было бы придумать разных способов. Богатых людей и деньгами и умом в Нижнем-Новгороде много. Торговля развивается изумительно.

Ведь если бы и при ведении Государственного хозяйства не побоялись бы в свое время задолжать миллиардов десять-пятнадцать, то и железных дорог было бы у нас сколько угодно, и флот был бы, и вооружение было бы, и, может быть, и войны у нас тогда не было бы; а если бы и была, то результаты получились бы другие.

Производительные долгосрочные долги не страшны, так как, если страна живет и развивается, то способов для погашения долгов всегда можно изыскать сколько угодно.

Опасение же сделать необходимый в свое время долг для той или другой Государственной надобности может задержать рост страны на много лет.

VII

По приезду в Нижний-Новгород в 1909 году первым при мне Губернатором был Михаил Николаевич Шрамченко (1906-1910 гг.). Знал его мало. Отношения имел к нему лишь официальные, когда встречалась в том надобность.

Как-то один раз вызвал он меня к себе по поводу снятия бывшей

одно время при Банке военной охраны.

Объяснив ему положение дела, я между прочим сказал, что некоторые кассовые служащие в Отделении вооружены, и что у меня самого есть на всякий случай револьвер.

При свидании он высказался на это весьма одобрительно, но на другой же день получаю от него официальную бумагу – на каком основании некоторые кассовые служащие, а также и я имеем револьверы?

Я ему ответил, что это сделано на основании распоряжения Центрального Управления Государственным Банком, откуда присланы и самые револьверы. И что Банк с присылкою револьверов идет дальше – он обещает всякие служебные поощрения тем лицам, кои при нападении злоумышленников окажут им мужественное сопротивление. М.Н. Шрамченко был перемещен в Вологду, а вместо него прибыл Вологодский Губернатор Алексей Николаевич Хвостов.

С Хвостовым я был знаком раньше, что он мне на общем первом официальном приеме и подчеркнул, сказав: “знаком”.

В провинции всегда все замечается. В тот же день после губернаторского приема ко мне приехали с визитами несколько из бывших на приеме и стоявших рядом со мною на приеме лиц, занимавших в городе видное положение. Вот что значит губернаторское “знаком”, подумал я.

На приеме Алексей Николаевич Хвостов сказал громкую и весьма оригинальную речь, впоследствии им напечатанную, как программу его будущей деятельности. В этой речи он вспоминал о том, как один из его предков стоял у терема царя Михаила Федоровича при избрании его на царство, оберегая венценосного отрока, и что он, Алексей Николаевич Хвостов, открыто идет по стопам своего предка. Затем сказал, что партий социал-демократов и социал-революционеров он не боится, так как эти партии выступают с открытыми забралами, но “пресмыкающуюся” кадетскую партию не потерпит.

Слова эти на первом приеме произвели значительное впечатление. Среди Нижегородцев на представлении было много кадетов.

Мнения о Хвостове в Нижнем составились разные. С дво-

рянством он разошелся. С купечеством не сошелся. Выбирать людей к себе в сотрудники не умел. Но во всех своих целях и намерениях был последователен и изумительно настойчив.

При состоявшихся при нем выборах от Нижегородской губернии в Государственную Думу Хвостов оказался и талантливым политиком. Он сделал то, что едва ли удалось бы сделать кому-либо другому. Он в избирательной кампании один выдержал борьбу против всей Нижегородской губернии. В Государственную Думу оказались выбранными люди почти никому в губернии неизвестные, но хорошо знакомые Хвостову, как например его чиновник Барач и Золотарев. Кроме этих двух были выбраны еще человека три из партии "Русского Народа". Одним словом все было сделано против желаний самих Нижегородцев.

В Государственной Думе Хвостов занял место лидера партии крайне правых. Речь его по нефтяному вопросу была блестяща. Думаю, что она была составлена на основании сообщенных ему данных Дмитрием Васильевичем Сироткиным.

Третьим при мне Губернатором в Нижнем был Виктор Михайлович Борзенко. Управлял губернией недолго (1913-1915гг.). Совершенно разошелся с местным купечеством. Человек был гостеприимный. Хороший и радушный хозяин. Умен, но как хохол упрям и не без хитринки. Слишком близко все принимал к сердцу и много шумел, – это очень ему вредило.

Четвертый Губернатор – Алексей Федорович Гирс (1915-1917гг.) и его супруга Любовь Александровна, урожденная Пономарева. Я когда-то знал по Рыбинску ее отца. Затем знал еще девочкой жену ее брата Николая Александровича – Евдокию Константиновну. Николай Александрович Пономарев был в Нижнем Управляющим Государственными имуществами.

Алексей Федорович Гирс во всех отношениях был на своем месте. Дело знал хорошо, и человек был с большим тактом. Думаю, принятый им тон управления Нижегородской губернией был самый верный. Мягким и обходительным, одинаково ровным со всеми обращением он скоро сумел объединить Нижегородское общество. Любовь Александровна в этом была его хорошей помощницей. Во время революции в 1917 году Алексей Федорович Гирс был взбунтовавшеюся толпою народа извлечен из

губернаторского дворца и с издевательствами приведен в Городскую Думу, где и арестован. Затем чрез несколько дней отправлен в Москву. В Москве был освобожден.*

В мою задачу описание революционного движения в Нижнем - Новгороде не входит. Во всех тех положениях, где мне приходится сталкиваться с революционными событиями, я буду ставить точку. Не время об этом пока еще писать. Революционное движение в данное время в полном разгаре. События меняются одно за другим. Общее успокоение, несомненно, должно будет когда-либо наступить, но воды утечет еще много...

VIII

Как-то во время одного из приездов в Нижний-Новгород Алексея Владимировича Коншина я ему сказал, что "как это никому из бывших Управляющих Нижегородским Отделением не пришло в голову попроситься съездить на Ирбитскую Ярмарку". Ведь Ирбитская Ярмарка, говорю, младший брат Нижегородской. Почти все сделки с пушниной и сырьем начинаются на Ирбитской Ярмарке, а окончательная развязка с товарами бывает на Нижегородской.

Большая часть сроков по выданным векселям идет от Ирбитской Ярмарки до Нижегородской, а также и наоборот.

Хорошо бы, говорю, если бы Вы меня командировали в будущем году для исполнения обязанностей Управляющего временным Ирбитским Отделением. Очень было бы полезно для дела познакомиться мне лично с Ирбитской ярмарочной торговлей.

На другой же год при формировании временного Ирбитского Отделения получаю из Петербурга предложение ехать в Ирбит на Ярмарку, но воспользоваться им не мог – время Ярмарки совпало с заботами о заготовке для постройки дома будущей Конторы разных строительных материалов. Боялся что-либо упустить.

На следующий год, когда дом был подведен под крышу, мне было сделано второе предложение. Я согласился. Алексей Вла-

---

*А.Ф. Гирс был расстрелян осенью 1918 года в Нижнем Новгороде.

димирович разговор об Ирбите не забыл.

Поездка оказалась интересной и для дела полезной. На Ирбитской Ярмарке нашел много знакомых торговцев по Нижегородской Ярмарке. По размеру оборотов Ирбитская Ярмарка далеко уже не та, какая она была несколько лет тому назад. Половина ярмарочных зданий стоят пустыми. Многие торговцы на эту ярмарку перестали ездить. А когда-то Ирбитская Ярмарка имела многомиллионные обороты и крупное значение в Сибирской жизни.

Есть в Ирбите, так же как и в Нижнем-Новгороде, главный дом – пассаж, в котором играет во время торговли музыка. Есть и гостиницы с певичками по образцу Нижегородских, но все это в миниатюре. С проведением железных дорог участь и этой Ярмарки решена. Скоро и она отойдет в область преданий. Торговля на Ярмарке сокращается с каждым годом.

В Ирбите со мною едва не случилось несчастье. Поднявшись по лестнице во второй этаж дома, в котором стоял начальник артиллерийской бригады, я с верхней площадки коридора отворил идущую направо дверь. Дверей было две – одна налево, а другая направо. Шагнул, было, и дальше, но с ужасом еле удержался за косяки двери. Оказалось, что дверь эта вела на обледенелый двор, но лестницы за дверью не было, а лишь отвесная стена. Эту дверь, по словам бригадного командира, давно надо было забить, но все день за днем откладывалось. Было это в сумерки. Высота от земли не меньше трех сажень.

О ходе и положении Ирбитской Ярмарки и об отношении ее к Нижегородской я послал Управляющему Банком Алексею Владимировичу Коншину подробный доклад. Он поручил его напечатать.

По окончании Ирбитской Ярмарки при разъезде торговцев я обратил внимание на обычай проводов.

Около троек уезжающего хозяина с приказчиками собирается огромная толпа народу прощаться. Как только лошади трогаются и ямщик каким-то диким голосом гикнет, начинается разного рода рев, стоны, плач. Народ некоторое время бежит рядом с тройками и все продолжает голосить, чувствуя отъезжающего купца и прощаясь с ним до будущей Ярмарки.

Обратил также внимание на удивительно красиво расположенное на возвышенном месте городское кладбище. Очень живописный вид на город Ирбит и реку Сену. Кладбище содержится в отличном порядке.

Жена моя, Юлия Георгиевна, г. Нижний-Новгород не любила. Не нравился ей характер его жизни. Мне же, признаться, Нижний очень нравился, и я с ним совершенно сжился. Может быть, это отчасти и потому, что я в нем был занят службой почти с утра до ночи. Увлечен был постройкой нового для Конторы Банка дома, а также развитием банковских операций в Нижнем.

Вносили также много разнообразия ежегодные командировки на Ярмарку и, наконец, я отлично был устроен в отношении хорошей квартиры, лошадей, автомобиля и садика при доме, который очень любил и которым много занимался. Те десять лет, которые я в Нижнем прожил, прошли для меня как один день. Ведь очень много значит также, и жить на такой красавице реке, как Волга.

Раскатываться по ней, к сожалению, я много времени не имел, но все же проехал один раз от Нижнего до Астрахани, а другой прокатился вверх по Волге – от Нижнего до Твери. Одну поездку сделал с женою по реке Каме до г. Перми. Кроме того, жена моя со всеми нашими сыновьями ездила от Нижнего до Астрахани.

Поездки на чудных волжских пароходах, а также весьма хороших камских, доставляют большое удовольствие и вполне заменяют дачную жизнь.

Имеете вы хорошую каюту, прекрасный стол и длинную крытую дорожку кругом парохода для прогулок. В больших городах пароходы стоят очень долго. Всегда достаточно времени, чтобы успеть съездить посмотреть тот город, который вы проезжаете, а то и навестить ваших знакомых.

На пароходах всегда есть пианино и библиотека. Если вы человек общительный, то можете с кем-либо на пароходе познакомиться. Ездит очень много хорошей и элегантно публики из Петербурга, Москвы и других городов. Все зависит от вашего настроения.

На меня поездки на пароходе действовали всегда успокаивающе. Мне по роду служебной деятельности почти весь день

приходится время проводить в разговорах. Я искал одиночества. Старался использовать поездки на пароходах, чтобы отдохнуть и успокоить нервы. Знакомиться с публикой не любил.

Для меня несказанное было удовольствие выбрать местечко где-нибудь в тени и затишье, посидеть и помолчать, любуясь окрестными берегами, или смотреть на воду с плывущего по ней парохода. Вид воды, когда приходится плыть не только на пароходе, но и на маленькой лодочке, действует на меня удивительно благотворно. От морских поездок, когда скроются с глаз берега, я всегда бывал в полном восторге.

Общество в губернских городах часто меняется. Нижний-Новгород, как бойкий административный центр, не мог быть исключением из других городов. Служащие то приезжали, то уезжали. Знакомы, как и везде, мы были со всеми. Бывали у других, бывали и у нас. В этом отношении жизнь наша шла, как и везде.

Приезжали иногда к нам в Нижний и прежние наши знакомые. Часто проездом в Саровскую пустынь бывали Мария Васильевна и Николай Павлович Муратовы. Приезжал по служебным делам, как член Совета Крестьянского банка, Борис Николаевич Левестин. Остановливался всегда у нас. Очень часто приезжала и подолгу гостила Тамара Владимировна Печаткина. Единственный ее сын – милый молодой мичман Сергей Владимирович Печаткин – геройски погиб в Балтийском море на транспорте “Енисей” от германской мины. Он долго держался на воде и ободрял моряков, тонувших вокруг него, и, наконец, выбившись из сил, сам пошел ко дну. Все родные Тамары Владимировны служили ей постоянным напоминанием об ее сыне Сереже, и вот она, чтобы несколько уйти от тревоживших ее разговоров, приезжала к нам по моей и моей жены просьбам. Мы были ей всегда очень рады. Часто также приезжали Александра Александровна и Николай Ависентьевич Манасеины.

Из приезжавших на службу в Нижний людей симпатичны были нам Елевтина Геннадиевна и Николай Васильевич Ненароковы, Наталия Ивановна и Александр Николаевич Мандрыка и Евгения Константиновна и Николай Александрович Пономаревы. Были и другие милые люди.

IX

В последнее время жена моя Юлия Георгиевна принуждена была больше сидеть дома... Вскоре по приезде в Нижний-Новгород она опять стала жаловаться на болезнь... а в Августе месяце 1918 года захворала инфлюэнцей, осложнившейся воспалением легких, и 20-го Августа тихо скончалась.

Не стало для меня милой и любимой мною Юлиньки, с которой вместе прожили мы сорок три года.

Она Нижний не любила, но все же пришлось в нем ее похоронить. Место на кладбище Крестовоздвиженского женского монастыря*, где она похоронена, удивительно красивое. Вид от могилки за Оку реку с огромным лесным пространством, замечательный.

Памятника пока еще нет. Он будет поставлен впоследствии. Пока же стоит один беленький деревянный крестик с надписью:

“Юлия Георгиевна Полянская

Родилась 18 Октября 1855 года, скончалась 20 Августа 1918 года”.

Около крестика была поставлена маленькая скамеечка, на которой я любил сидеть и не удерживать катившихся из моих глаз слез.

На этом я остановлюсь писать пока мои записки. Почем знать, может быть и мне придется скоро отдохнуть?!...

X

Война с Германией застала русский народ врасплох. Никто о войне не думал. Можно ли было России обойтись без войны – не мое дело рассуждать. Я пишу воспоминания исключительно из моей личной жизни, не касаясь политики и анализа общественных движений.

Если же, переживая вместе с другими выпавшее на нашу долю время, приходится коснуться какой-либо отвлеченной темы, то я

---

*В 1957 году кладбище Крестовоздвиженского монастыря было ликвидировано

стараясь не выходить из рамок сообщения одних фактов, не вдаваясь ни в какие комментарии.

В первое время объявления войны и начала военных действий личная моя жизнь не изменилась, за исключением усилившейся служебной работы. Первое, что надо было – это провести Ярмарку 1914 года, а затем пошли заботы об успешности подписок на военные займы.

Ярмарка в 1915 году прошла слабо, а в 1916 и 1917 годах и совсем плохо. Торговля в России вследствие расстройства водного транспорта и железнодорожного аппарата, а также занятия неприятелем нашего западного фабричного пространства замерла.

Все питали надежду на благоприятный исход для нас войны. Всякий жертвовал, что мог на военное дело. Несли в банк золото в изделиях и другие ценности. Везде устраивались лазареты для раненых и санатории для выздоравливающих. У нас при Конторе Государственного Банка образовалось благотворительное общество – для оказания помощи призванным на войну служащим.

Помогали же не только призванным из Конторы, но и многим другим. Посылали в армию сапоги, сшитое дамским кружком белье, нитки, табак, перья, бумагу и много разных других предметов первой необходимости для воюющего солдата.

Служащие Конторы пожертвовали на текущий счет Государя ИМПЕРАТОРА на надобности войны пятьсот рублей. По докладу об этом Министра Финансов последовала на имя чинов Конторы ВЫСОЧАЙШАЯ благодарность.

Много посылали деньгами и вещами для пополнения средствами кружков супруги Министра Финансов – Софии Леопольдовны Барк, супруги Владимира Николаевича Коковцева* – Анны Федоровны Коковцевой и супруги Товарища Управляющего Государственным Банком – Доротеи Георгиевны Никитиной.

Оборот благотворительного общества Нижегородской Конторы Государственного Банка был весьма значительный.

Ко времени оставления мною занятий в Конторе образовался

---

*Владимир Николаевич Коковцев – министр финансов в 1906 – 1914 гг., председатель Совета Министров в 1911 – 1914 гг.

при обществе запасный капитал в двенадцать тысяч рублей на выдачу пособий потерпевшим от войны служащим и их семьям. Деньги обращены в 5 1/2 % военный заем.

Из моих сыновей на военную службу были призваны трое.

1) Уар Николаевич*. Он служил в Эриванском Отделении Государственного Банка. Ранее служил в Новороссийском драгунском полку, стоял в Юрбурге, Ковенской губернии, а затем в Нежинском драгунском, ныне Гусарском полку. Стоял полк в Ельце, Орловской губернии, где я служил в Отделении Банка. Призван Уар из Эривани в Северский драгунский полк, но служил в нем не долго. Один из бывших его товарищей перетащил его в Туземную Горскую Кавалерийскую дивизию, в Чеченский конный полк. Дивизией этой командовал Великий Князь МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, а Чеченским полком князь Святополк-Мирской. Командир полка вскоре был убит, а затем и товарищ моего сына, перетащивший Уара из Северского полка в Чеченский конный, так называемой Дикой дивизии.

Последний раз видел моего сына Уара Николаевича офицером с Георгиевским крестом осенью 1917 года. Он приезжал с поручением от полка покупать для офицеров и солдат полушубки.

Я ему оказал в этом содействие. По окончании возложенного на него поручения он отправился из Нижнего обратно в свой Чеченский полк, но удалось ли ему его разыскать и где именно – не знаю. Революция была уже в полном разгаре. Из Грозного получил от него телеграмму о переводе ему по телеграфу одной тысячи рублей на покупку лошади, что немедленно же исполнил. С тех пор не имею о нем никаких сведений. Это было в Октябре месяце 1917 года.

Зная прямой, открытый и благородный характер моего сына Уара, я очень беспокоюсь об его участи. С грустью думаю, что его уже нет в живых. Кавказская Туземная конная дивизия давно расформирована. На долю офицеров выпало много горя.

2) Второй сын, Юрий Николаевич*, был офицером в одном из армейских пехотных полков. До и после войны служил в Нижегородском Отделении Волжско-Камского банка. В 1919 году приз-

*Уар Николаевич Полянский погиб в Югославии в 1942 году.

**Юрий (Георгий) Николаевич Полянский умер в г. Горьком в 1936 году.

ван вновь. После бывшего у него воспаления легких возвратился в Нижний больным. Женился без моего ведома.

3) Третий сын, Алексей Николаевич*, воспитывался в Московском лицее Цесаревича Николая, а затем окончил ускоренные курсы ИМПЕРАТОРСКОГО Пажеского корпуса.

Мне очень хотелось, чтобы он вышел в гвардию, и я уже заручился согласием принять его в Лейб-гвардии саперный полк, но он пожелал выйти в один из железнодорожных батальонов. Что делать? Пришлось покориться. Дети с волею и желаниями родителей считаются не всегда. Лишь бы только он был счастлив и оставался на всю жизнь честным и порядочным человеком, а остальное все в руках воли Божией! Алеша очень добрый, умный и хороший ласковый человек. В том, что он всю жизнь останется честным и порядочным человеком, я ни одной минуты не сомневаюсь; но мне не хочется быть пророком, не думаю, чтобы он был в жизни счастлив, благодаря своей без моего ведома женитьбы двадцати лет от роду. Жизненная чаша несомненно будет ему горька. Распространяться об этом нахожу излишним. Буду крайне рад, если я в этом ошибусь. Слез за него я не жалел. Много горя перенесла за Алешу и покойная моя бедная жена Юлинька. Это мне известно более чем кому другому.

По окончании войны Алексей принялся было заканчивать лицей и сдал все экзамены об окончании полного университетского курса. Ему оставалось лишь сдать Государственные экзамены, но революционное время внесло свои преобразования и в высшие учебные заведения. Сдать Государственный экзамен он был лишен возможности, а затем в 1919 году был опять призван на военную службу и отправлен в действующую армию. Где он теперь находится, жив ли? Никаких сведений об этом я не имею уже третий год.

4) Старший мой сын, Павел Николаевич**, по окончании курса в С.Петербургском Университете по Юридическому факультету поступил на службу в Центральное Управление Министерства Юстиции. Затем был назначен Товарищем Прокурора Тверского

*Алексей Николаевич Полянский умер в 1985 году во Франции.

** Павел Николаевич Полянский был репрессирован и погиб в лагере в Коми АССР в 1933 году. Реабилитирован в 1958 году.

Окружного Суда, а потом опять вернулся на службу в Министерство Юстиции. В последнее время занимал должность Старшего Делопроизводителя и был состоящим за Обер-Прокурорским столом Правительствующего сената. Холост.

5) И еще один сын, Иван Николаевич*, окончил курс наук в Московском лицее Цесаревича НИКОЛАЯ. Служил в Отделении заграничных операций Государственного Банка в Петербурге. Женился в Нижнем-Новгороде на Лидии Матвеевне Башкировой (Л.М. Башкирова – младшая дочь Матвея Емельяновича Башкирова).

Нам с женой было очень приятно, что после свадьбы он с женой поехали провести некоторое время в нашем Ильине. Чтобы их принять, были отправлены из Нижнего заранее нянюшка Саша и мой курьер Федот Подтынников. Ездили молодые с такими же удобствами, как и мы в свое время с Юлинькой. От станции Пустошки Виндавской дороги, до самого Ильина на втомобиле, а затем из Ильина на автомобиле же до станции Остров, Спб-Варшавской железной дороги.

В Петрограде они устроили себе хорошую квартиру на Каменноостровском (д.54), хорошую квартирку в Петербурге имел также и мой сын Павел.

К моему крайнему сожалению служебные дела во время военного времени не позволяли мне отлучиться из Нижнего, чтобы их навестить.

Во время войны по просьбе Главноуполномоченного по закупкам продовольствия для армии Тайного Советника Глинки на меня было возложено дело закупки мешков для зерна и муки. Благодаря обширному знакомству среди торгующего на Ярмарке купечества и близости Вязниковского фабричного района, мои мешки оказались купленными дешево и очень хорошего качества.

По приезде в Нижний Глинка сказал мне это лично, а также говорил и уполномоченный по закупке хлеба Ильин, с которым я имел дело.

По окончании закупок и представлении отчета, я получил по представлению Министра Земледелия вторую именную ВЫСО-

---

*Иван Николаевич Полянский был репрессирован и погиб в лагере в Коми АССР в 1933 году. Реабилитирован в 1958 году.

ЧАЙШУЮ благодарность. Первую ВЫСОЧАЙШУЮ благодарность я получил за постройку дома для Нижегородской Конторы Государственного Банка в 1913 году.

XI

В окрестностях Нижнего-Новгорода охотился я мало. Во-первых, не имел для охоты времени, во-вторых, уж очень был избалован охотами ранее, когда охотничье дело было поставлено у меня хорошо.

Около Нижнего много прекрасных мест для охоты, но поездки из города сопряжены с большой тратой времени и неудобствами передвижений. Это не то, что было у меня раньше, когда я жил на дачах среди арендованных мною мест, выученных настолько, что я и собака моя знали каждый кустик.

Большую службу для охоты в Нижнем служил мне автомобиль. В те дни, когда дела на Ярмарке было немного и заседания Учетно-Ссудного Комитета заканчивались рано, я брал с собою свою собаку Деку и ездил часика на три вечерком по Московскому шоссе к Чернорецким дворикам пострелять тетеревишек. Ездил также и по Арзамасскому тракту на серых куропаток. Вот и все мои Нижегородские охоты.

В самом начале охотничьих сезонов – 15 Июля – открывалась Нижегородская Ярмарка, а 23-го Июля переезжало на Ярмарку временное Отделение Государственного Банка, операции в котором производились до 5-го Сентября. Следовательно, самое лучшее охотничье время каждый год у меня было занято. Ну какая же тут может быть охота?

Вспоминаю одну зимнюю охоту под Нижним-Новгородом около деревни Фроловской на волков.

Охоту устраивало местное 2-ое Общество охоты. Обложены волки были казенным лесником из деревни Фроловской.

На меня вышел волк. Их вышло два, я заметил волков издали и, конечно, замер на месте. Вижу сосед мой с левой стороны что-то начинает пошевеливаться и вскидывать на прицел ружье. Волки шли хребтиком небольшой возвышенности как раз на него. Я думал, что он прогонит обоих волков, но волки как-то вдруг раз-

делились. Один пошел влево чрез флажки, а другой свернул на меня.

Подпустив волка шагов на пятнадцать, я всыпал ему весь заряд в правый бок. Волк сунулся, а затем сел на задние лапы. Я ему дал заряд из второго ствола, а затем вижу, сосед мой, но уже с правой стороны прицеливается со своего номера и палит.

Я, разумеется, видя, что охота уже окончена, так как в окладе было всего только два волка, тихо заметил, что по убитому волку стрелять не полагается.

На охоте в этом обществе я был первый раз. Ни с левым, ни с правым соседом раньше знаком не был. Оказалось, что мой сосед с левой стороны, делавший движения во время хода волка, был сам распорядитель охоты. Не сознавая, что он мог испортить всю охоту и одного волка от себя отпугнул, он сделал мне замечание за разговор во время гона.

Когда же я стал объяснять ему, что обратился с просьбою не стрелять к моему с правой стороны соседу уже после гона, когда один волк был убит, а другой ушел, то оказался на три рубля оштрафованным.

Поднимать историю о снятии штрафа я не стал, а то, пожалуй, и волка лишиться мог бы. "Волк Ваш, – торжественно мне было объявлено, – а штраф три рубля позвольте получить". Я был очень рад, что дешево отделался. Из волка сделал чучелу.

Вопрос об излишней помощи мне убить волка со стороны правого соседа, оказавшегося почтенным военным доктором, я возбуждать тоже не стал. Между тем как выстрел на чужой номер считается большим охотничьим преступлением.

XII

Оканчивая свои воспоминания о Нижегородской жизни и стараясь не забыть все в нем пережитое, должен сказать несколько слов о Сормовском заводе. О деятельности завода говорить, конечно, нечего. Она всем хорошо известна, но не могу забыть то впечатление, которое на меня произвело заводское общество.

Бывая у моего знакомого директора завода Сергея Алексан-

дровича Хренникова, я познакомился с некоторыми из заводских служащих, но когда мне пришлось быть как-то на большом в Сормове общественном обеде, то виденное мною превзошло все мои ожидания. Вот где, думаю, культура! Вот где настоящая живая жизнь образованных людей – тружеников!

Представьте себе огромный зал, наполненный свежими, здоровыми и интеллигентными лицами, живущими своей обособленной от города жизнью. Среди большого заводского общества оказалось более сорока человек инженеров. Всюду слышались веселые, остроумные и оживленные разговоры, с особым отпечатком именно заводской, а не городской в вечных рамках жизни.

Все, думаю, у них весело, просто и естественно. И все это в двадцати лишь верстах от города Нижнего-Новгорода.

Вспоминаю также поездку нашей маленькой компанией на льнопрядильную фабрику “Гурьев, Карпов и братья Склянины”. Приятно всегда было отдохнуть денек у них за городом. Поездка до станции Желнино по железной дороге, а там, около двух верст на лошадях или автомобиле.

Александр Павлович Гурьев и Петр Иванович Карпов очень радушные и гостеприимные хозяева.

Одно меня пугало там – это бешеная езда Александра Павловича Гурьева по лесным дорожкам на автомобиле. Обыкновенно Гурьев садился сам за шофера и сломя голову лавировал между деревьями, объясняя это чувством “самосохранения”. “Если бы, – говорит, – не я сам управлял автомобилем, а шофер, то жизнь моя была бы в чужих руках, а теперь она у меня в собственных”. Спорить с ним было трудно.

Я не раз думал едучи к ним, – уж не застраховаться ли?

Любил побывать в Нижнем на бегах. Знал хорошо и лошадей. Страсть к лошадям у меня была во всю мою жизнь, и толк в них я понимал. Да и сам, о чем уже писал раньше, недурно ездил.

Необходимо было бывать на бегах мне и по делу. Нет, нет, да и встретишь там нужного человека для получения какой-либо справочки. Сидя дома ничего не узнаешь. Нижегородские же бега всегда были переполнены как Нижегородским, так и приезжим купечеством.

XIII

Захват Нижегородской Конторы Государственного Банка большевиками состоялся 22 Ноября 1917 года.

В этот день только что мы открыли кладовые, пришли в Контору товарищи Сергей Александрович Акимов, Яков Зиновьевич Воробьев (он же Каатц) и бывший сормовский чертежник Хахарев.

Красногвардейцы были оставлены внизу в вестибюле, а ко мне вошел лишь один Акимов. Предъявил бумагу Нижегородского Исполнительного Комитета за подписью председателя Романова о допущении в Контору его, Акимова, в качестве комиссара со стороны совета, для наблюдения за ходом операций. Я уже знал заранее, что власть в городе перешла к большевикам. Председатель комитета Романов за два дня до этого говорил мне по телефону, чтобы я за Банк не беспокоился и продолжал бы спокойно со всеми служащими работать, так как никаких покушений на Банк они делать не собираются.

Я сейчас же пригласил к себе на заседание всех управляющих частными банками и передал им об обращении ко мне Романова.

Совещание высказалось за то, чтобы продолжать банковскую работу, но лишь при том условии, если большевистская власть не будет вмешиваться в банковские распоряжки. Об Акимове Романов мне ничего не говорил.

С приходом Акимова дело изменилось. Мне необходимо было что-либо предпринять.

Немедленно, не теряя времени, я сделал я себя в Конторе Губернское совещание, пригласив: Прокурора Окружного суда, Городского голову, Управляющего Контрольной палатой, всех Управляющих и Директоров Нижегородских частных банков, Директоров и Старших чинов Нижегородской Конторы Государственного Банка, и в присутствии Акимова объявил им о содержании присланной бумаги от Нижегородского Исполнительного Комитета и просил высказать по этому поводу свое мнение.

На первом этом совещании ничего решено не было. Собрались мы в том же составе еще раз в тот день, но уже без участия Акимова.

На втором заседании, исходя из создавшегося положения вещей, все единогласно пришли к следующему заключению:

“В виду того, что ведение дела в Конторе и течение операций идут правильно, присутствие комиссара совершенно не требуется. Но, считаясь с возможным беспокойством неосведомленной об этом толпы, а также рабочих фабрик и заводов, в которых идут брожения и наблюдается тенденция к истребованию из банков вкладов, признать возможным впредь до успокоения, допущение в Нижегородской Конторе Государственного Банка присутствие комиссара от Исполнительного Комитета, но лишь при условиях:

1) Приглашение также депутатов на равных основаниях с присланным комиссаром от Нижегородского Исполнительного Комитета:

А) От Нижегородской Городской Думы и

Б) От крестьян Нижегородской губернии,

и 2) Чтобы означенные депутаты отнюдь не вмешивались в банковские распорядки и не нарушали бы спокойного труда служащих Конторы”.

Об изложенном тут же был составлен за подписями всех присутствовавших на совещании лиц протокол.

Протокол этот на другой же день целиком был напечатан в местных газетах.

Через день, вечером, было заседание гласных Городской думы. На этом заседании Городской голова Ганчель доложил гласным о положении в Конторе Государственного Банка дел. Гласные высказались за то, что следует в присылке комиссара в Контору Банка протестовать, так как в целостности капиталов и ценностей сомнений нет.

Инспектор мелкого кредита, гласный думы Николай Павлович Михайлов сказал длинную речь, в которой заявил, что все служащие Конторы решили выразить протест против присылки Комиссара забастовкой. Пришлось и мне сказать несколько слов.

Вполне разделяя нравственный подъем служащих Конторы и совершенно присоединяясь к забастовке, я высказал свое мнение, что забастовка – это лишь один красивый и поэтический жест.

Что, несомненно, вслед за забастовкою начнутся со стороны большевистской власти всяческие репрессии и что чиновники, конечно, не выдержат и чрез несколько времени все станут на работу.

– Здесь, г.г. гласные Нижегородской Городской Думы, необходимо предпринять что-нибудь другое, более реальное. Вот я и прошу Вас сказать о том, какую Вы можете дать мне реальную поддержку?

Мне ответили, что реальной поддержки Городская Дума дать никакой не может. С ее стороны может быть лишь одна моральная поддержка. Тогда я стал просить гласных Городской Думы пожаловать завтра утром в Контору Банка к открытию кладовых для оказания хотя бы моральной поддержки, т. к. утопающий хватается и за соломинку. Городской голова Ганчель меня поддержал и стал просить гласных Думы прийти в Контору всем составом к открытию операций к 9 ч. утра. Мне же за истечением положенного времени говорить больше не дали. К открытию кладовых никто из гласных Городской Думы на другой день не прибыл, а в 11 часов утра я по распоряжению комиссара Акимов был арестован и под конвоем красногвардейцев латышей отправлен в бывший губернаторский дворец.

Когда меня арестовали, то, желая избежать шествия под конвоем по Нижегородским улицам, я предложил Акимову отправиться мне самому в бывший губернаторский дворец и объявить, что я арестован. Акимов посоветовался об этом с Воробьевым и Хахаревым. Первый возражений против этого не сделал, а Хахарев настоял, чтобы я шел непременно под конвоем.

Вечером во дворец пришел Акимов и объявил, что я перевожусь на домашний арест. Тогда же в сопровождении латышей, вооруженных ружьями, я был отправлен домой.

Чрез несколько дней в сопровождении вооруженных латышей, все время находившихся в моей квартире и меня карауливших, я был приведен в Контору Банка.

Там находился Акимов и несколько человек банковских чиновников-штрейкбрехеров. Из них помню лишь Калиновского, Жмакина и Старшего кассира Фесюкова. Кроме того, было несколько счетчиков и сторожей.

Акимов, обратившись ко мне, сказал, чтобы я приступил к работе, но не в правах Управляющего, а простым рядовым работником, так как у него состав для кассы и операционного дела готов.

Я заявил, что работать в таком составе, какой он набрал, не могу, так как отвечаю за целостность вверенных мне капиталов и ценностей, и, наконец, не нахожу его вправе превращать меня в рядового работника, считая это за издевательство надо мной.

После этого последнего моего посещения Конторы я захворал и слег в постель.

Дня через два приходил за мною опять вооруженный латыш с приглашением на какое-то заседание в Конторе под председательством Романова, но я за болезнь на него не пошел.

28 Ноября 1917 года получил от Акимова бумагу, чтобы я в двухдневный срок очистил занимаемую мной казенную квартиру. В два дня уложил, как мог, вещи, мебель, и со всем моим накопленным долгой жизнью скарбом, чадами и домочадцами переехал на случайно предложенную мне частную квартиру.

Временно, пока квартиру не устроил, ночевал где день, где ночь, пользуясь гостеприимством добрых знакомых. Жена с дочерью*, внучкой и нянюшкой Сашей приютились у Миловидовых. Любимые мною, перевозимые из города в город цветы пришлось бросить на произвол судьбы у банковского садовника. Садовника того теперь в банке нет, впрочем, нет и цветов. Оставил в гостиной чудную старинную в стиле ампира золоченую гипсовую люстру, прекрасный градусник Воткея, а также парные сани с медвежьей и черной бараньей полостями и много других мелких хозяйственных вещей. Некоторую мебель разобрали сторожа.

Выселение меня из квартиры застало гостившую у нас в Нижнем в то время Тамару Владимировну Печаткину. Она также переехала с Юлинькой и Женичкой, к Миловидовым, а потом вместе с нами устроилась на Тихоновской улице и, за невозможностью выехать, засела в Нижнем. Жили мы на Тихоновской относительно спокойно, за исключением бывшего у меня в Июне месяце 1918 года обыска.

---

*Евгения Павловна Полянская (в замужестве Сухорская) умерла в г. Горьком в 1964 году.

Хотя ничего контрреволюционного не оказалось, но все же я был производившим обыск Германом Васильевичем Баскаковым и бывшим при обыске латышом опять арестован. Этот латыш дежурил у меня в квартире при первом моем аресте.

Семье моей за меня здесь много пришлось пережить. В это время происходило в Нижнем-Новгороде много арестов и шли расстрелы. Наступали чехословаки. Взята была уже Казань. Большевистская власть была встревожена. Но арест мой прошел для меня вполне благополучно. После проведенной отвратительной ночи в так называемой “саботажке”, в сыром и грязном подвале дома Кузнецова на Малой Покровке, вместе с разной арестованной рванью, я был освобожден. Один из заседавших в доме Кузнецова латышей, отпуская меня, пересмотрел только взятую у меня при обыске переписку.

Когда я возвратился домой, то радости у домашних не было границ. Милая моя Юлинька в тот же день устроила себе маленький “винтик”. Уж очень любила она в картишки поиграть. Ведь и развлечение в жизни было у ней лишь одно – это от времени до времени козырнуть по маленькой с не отказывавшими ей в этом удовольствии постоянными ее партнерами.

XIV

Дальнейшее наше несчастье заключалось в том, что крошечная и неказистая квартирка на Тихоновской улице, в которую мы переселились, оказалась по числу в семь комнат.

Будь она в три или четыре комнаты, продолжали бы мы жить в ней потихоньку, по старости моих лет и по неспособности к дальнейшему труду по моей болезни. А тут, извольте ли видеть, у буржуя семь комнат!

Первое, что было решено при получении сведений о числе комнат в моей квартире – это совсем меня выселить, а мебель реквизировать. Затем, когда пошел я объясняться, а потом сходили в квартирный отдел мои сыновья Павел и Алексей и выяснили, что комнаты наши очень маленькие и что в квартире живет нас семь человек, то решение о выселении отменили, а постановили реквизировать три комнаты, предоставив четыре осталь-

ных нам. Пришлось, конечно, покориться.

Старший мой сын, Павел Николаевич, решительно запротестовал против дальнейшей совместной с нами жизни при создавшихся условиях, и я, уступая ему, так как иначе он сам грозил уехать, принужден был уйти из дому и обречь себя на скитальческую жизнь...

Сначала я ушел в одну из деревень Нижегородской губернии, чтобы побыть одному и отжаться неудержимому моему горю после смерти любимой мною моей жены, потеря которой для меня невознаградима; а затем, чтобы полечиться, отдохнуть и укрепить свои нервы, уехал в Москву.

Прожил в Москве с Сентября месяца 1918 года по 28 Февраля 1919 года. Лечился в двух лечебницах. Все время мерз и голодал. Истратил на это последние мои средства и, если бы не решился вернуться обратно в Нижний, то окончательно расстроил бы свое здоровье.

Когда вернулся в Нижний-Новгород, то от потери сил и угнетенности духа целый месяц мог только сидеть на крошечном диванчике в маленькой, загроможденной разным скарбом комнатке моей дочери Женички в квартире Миловидовых, не в состоянии чем-либо заняться и подумать хотя бы о сохранении моего имущества.

При отъезде в Москву я не знал, где лучше сохранить мои вещи, так как на прочность владения оставленной мною квартиры я не вполне надеялся.

И вот, я решил лучшие вещи, платье, ценные ковры, из различных городов общественные и товарищеские подарки и вообще разный скопленный домашний скарб, и в том числе также приобретенный на Ярмарке чай, отдать на хранение моему доброму знакомому Александру Николаевичу Мандрыке.

Само собою разумеется, это было сделано не с целью спрятать мое имущество, а лишь в верных руках сохранить. Если бы я хотел спрятать, то именно припрятал бы его, раздав его по одному сундуку на сбережение беднейшим моим сослуживцам и, конечно, все было бы цело. А то я загромоздил всю квартиру любезного Александра Николаевича моими сундуками. Отданные ему семь

сундуков составили на самом видном месте его квартиры целую гору. Разумеется, революция могла задеть и Мандрыку, но ведь мои сундуки были бы здесь не причем.

Но дело вышло очень печальное. Кто-то донес, что в Нижнем-Новгороде проживает бывший Нижегородский Вице-Губернатор, а впоследствии даже Тифлисский Губернатор Александр Николаевич Мандрыка. Хотя Мандрыка человек тихий, скромный и, что называется, “воды не замутит”, но сейчас же у него обыск, а затем и арест. Вместе с Мандрыкой забрали в “саботажку” и мои сундуки.

Ровно три месяца я и сын мой Павел Николаевич хлопочем о возвращении моих сундуков, но все безуспешно. Сообщили сыну, что участь сундуков в зависимости от решения по делу Мандрыки; но что общего между моими сундуками и судьбою Мандрыки я никак взять в толк не могу? *

Слышал на днях, что бедный Александр Николаевич заболел сыпным тифом и лежит в тюремной больнице. От всей души желаю ему поправиться. Надежды на это при плохом питании и истощенности его организма очень мало. Бедная жена его Наталья Ивановна с тремя детьми без всяких средств к жизни. Что в сравнении с их горем мои сундуки!...

Я уже сказал, что по возвращении из Москвы прожил месяц у моей милой дочери Женички. Как горячо я ей благодарен за ее сердечный прием. Как она старалась подкормить меня за мою Московскую голодовку. С каким наслаждением вспоминаю вкусные у ней щи с кусочками говядинки, картофлем, заправленные сметанкой от ее коровки Вечерки. Как вкусно приготавливала она в кастрюличке картофель со свиной и с разными приправами.

Готовила все сама и очень экономно. Двух с половиною фунтов говядины хватало для щей на троих на пять дней. Какие ватрушки она стряпала!... Целую ручки тебе за все это, моя милая Женичка, а главное за твою ласку и доброе женское сердце к бедному

---

*Некоторые вещи, как например, с вырезанными надписями адреса сослуживцев и альбомы были мне потом возвращены. Но все носильное платье, белье и ценности оказались расхищенными. В числе других вещей пропал чудный, очень ценный ларчик, подаренный мне на новоселье после постройки нового для Конторы здания Всероссийским купечеством - прим. автора

старику твоему отцу. Бог вознаградит тебя за это!... Твое внимание ко мне было крайне дорого. Оно пришло ко мне в самое необходимое для меня время!

С благодарностью вспоминаю также и родственное внимание моего сына Ивушки и невестки Лидочки. С каким радушием приглашали они меня переехать к ним в полную разгрому по обстоятельствам времени их квартиру в Нижнем-Новгороде. И самими им, вижу, плохо... А тут Ваня предлагает занять любую у них комнату по моему выбору. Ну, не трогательно ли это?! Крепко целую тебя, Ваня, за это и милую твою жену Лидочку.

Несмотря на ласки моих детей, мне все же оказалось жить в Нижнем без своего угла тяжело. Кроме того, очень нервировали постоянные разговоры на политические темы.

Отдохнув и подкрепившись физически во время жизни у дочери, я стал ощущать потребность в тишине и уединении. Наступал Апрель месяц. Дороги рушились. Медлить было нельзя. Еще один – два дня нерешительности и я мог бы остаться на лето в городе.

Первый извозчик, с которым я заговорил, хотя и заломил бешеную цену, но свезти согласился. Тут было не до торговли. В два слова мы с ним сошлись. 30-го Марта 1919 года чуть свет утром я катил по заморозку в облюбованную мною еще осенью прошлого года деревушку и сижу теперь в ней. Правда, голодаю. Кроме 1/2 криночки молока и кусочка черствого хлеба иногда ничего нет...

Но “не ищите, что вам есть и что пить, и не беспокойтесь. Потому, что всего этого ищут люди мира сего: ваш же ОТЕЦ знает, что вы имеете нужду в том”.

Обо мне, чем может, заботится моя дочь, но и ее положение очень неустроенное. Да и кто в данное время “сегодня” может сказать о том, что будет “завтра”?! Все живут в каком-то “ожидании”, но что нас ждет впереди – ведает лишь один Господь Бог! Одно, и может быть верное общее мнение, что того, что “было”, никогда больше не будет.

Лукино, Нижегородской губернии. 1921 год

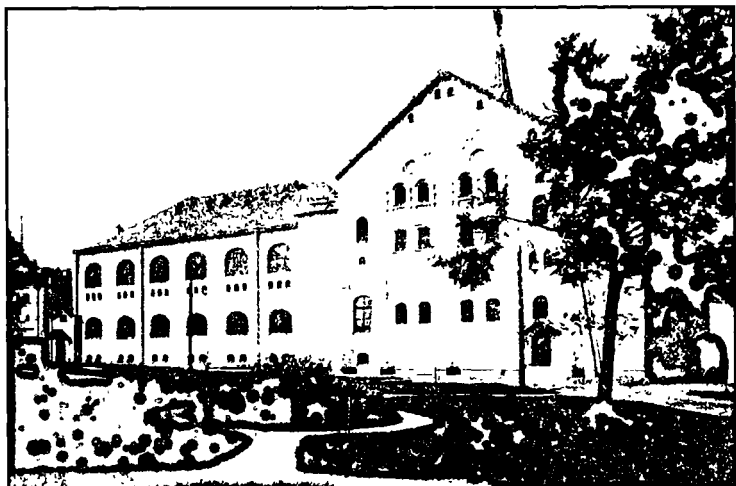

ПРИЛОЖЕНИЯ

ФОТОГРАФИИ

ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

БАНКЪ.

КАНЦЕЛЯРІЯ.

11 Июня 1909 г.

№ 20777

Состоит из:

Прострлях:

Въ

Нижегородская

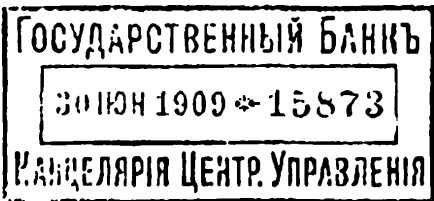
398

Канцелярия
Отделения.ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражд-
данскому вѣдомству отъ *Г. Гоголя*с. г. за № *40* Управлінняи Воронежскаго
Губернскаго статскаго совѣта *Гоголя*
на кою отъ *Гоголя* с. г. возложена обязанность
Управлінняи Нижегородскаго Губернскаго,
включая *Гоголя* въ составъ порученій *Гоголя*
перваго Филалова *Гоголя* въ 1 Июня 1909 г.
Объ этомъ Канцелярія, по приказаніюГ. Управляющаго Государственнымъ Банкомъ
имѣетъ честь уведомить:директора *Гоголя*Старшій Дьяковъ-производитель *Гоголя*.

Письмо директора Канцелярии Государственного банка России
о назначении Н.П. Полянского управляющим Нижегородским отделением
Государственного банка

1889

411

М. Ф.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
БАНКЪ.

Въ Государственный Банкъ

НИЖЕГОРОДСКОЕ
ОТДѢЛЕНІЕ

/по Канцеляріи/.

25 ЮН 1909/90

№ 12766

Нижній-Новгородъ

О вступленіи въ
должность Управля-
ющаго Н.Полянска-
го съ 3 прилож.

Вслѣдствіе предложенія Государствен-
наго Банка отъ 19 Мая с/г.ва № 16711,
Нижегородское Отдѣленіе Государственна-
го Банка имѣетъ честь при семъ предста-
вить актъ о приѣмъ Отдѣленія Управляю-
щимъ Н.П.Полянскимъ, вѣдомость о налич-
ности кладовой и балансъ на 21 сего Ію-
ня, - и донести, что въ исполненіе своихъ
служебныхъ обязанностей Управляющій
Н.П.Полянскій вступилъ 25-го сего Іюня.

Handwritten mark

Управляющій

Handwritten signature

Handwritten signature

Контролеръ

Handwritten signature
Секретарь

Handwritten signature

Письмо Нижегородского отделения в Государственный банк
о вступлении Н. П. Полянского в должность управляющего.

ПСКОВСКОЕ
ГУБЕРНСКОЕ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВО
ДВОРЯНСТВА

• М • марта 1911 г.

10-2/11

Госпожину Управляющему Кавказскому Станционному Отделению Государственного Банка.

Въ отвѣтъ на письмо отъ 12 текущего марта, кѣмъ проси уверения Вашъ, Чекодственный Государя, что удостоверение о родственной связи Н. П. Полянскій съ Свѣтлейшимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ Силоселемъ выдано имъ въ Опошскомъ уѣздѣмъ Приказачиномъ Департамента 17 марта с.г. въ К 27, в представленномъ прилагаемому документу, отправленъ имъ черезъ Кавказскаго Турецкаго Паскальскаго Управления для врученія по принадлежности при семъ напечатанъ отъ 16 марта с.г. въ К 32.

Губернскій Предводитель Дворянства

Горьковский Дворъ К.О. ВЪЗНУШКА

Горьковский Дворянства

Письмо Псковского губернского предводителя дворянства о направлении жене Н. П. Полянскіаго – Юлии Георгиевне документов, подтверждающих ее родство с М. И. Голенищевым-Кутузовым

СЦЕНАРИЙ

Посещения Николая II и членами Императорской фамилии нового здания Государственного банка в Нижнем Новгороде 17 мая 1913 года

1. Встречают у входа Г. Министр Финансов, Управляющий Банком, Управляющий Отделением и Архитектор Покровский.

2. Подносят букеты ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВАМ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ И ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ, а также Великим Княжнам Управляющий Банком, Управляющий Отделением, Архитектор Покровский.

3. Обход здания начинается с помещения мелкого кредита, засим переходят в помещение сберегательной кассы, оттуда возвращаются назад и проходят по лестнице во второй этаж – в большой операционный зал. Затем переходят в кабинет Управляющего Отделением и через комнату Учетного Комитета возвращаются на лестницу и на главный подъезд.

4. В помещении мелкого кредита стоят группой чины мелкого кредита с одной стороны и подрядчики и десятники группой с другой стороны. Обращается внимание на образа.

5. В помещении сберегательной кассы чины кассы стоят одной группой. Обращается внимание на образ.

6. На лестнице обращается внимание на картину Ипатьевского монастыря.

7. В вестибюле верхнего этажа обращается внимание на картину избрания Царя Михаила Федоровича на царство.

8. В большом операционном зале чины Банка стоят в глубине зала двумя группами, вне барьера. За барьером стоят группами с одной стороны счетчики, с другой – свободные нижние чины.

9. В большом операционном зале Высокие посетители останавливаются около приготовленных кресел. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, если соизволит, обращается к чинам с речью, по окончании каковой провозглашается ура, и певчие, помещающиеся сзади чинов, исполняют гимн. Ура и гимн повторяется трижды. Одновременно, если будет допущено, Управляющий Банком и Управляющий Отделением подносят ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ и ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ кубки с шампанским на подносах. Засим Министр Финансов, Управляющий Банком, Управляющий Отделением и Архитектор Покровский подносят Высоким посетителям жетоны. В операционном зале обращается внимание на образ

Феодоровской Божией Матери, сооруженный Членами Учетного Комитета.

10. В кабинете Управляющего стоят члены строительной комиссии.

11. В комнате Учетного Комитета стоят члены Комитета, которые, если угодно, подносят ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ хлеб-соль.

12. При выходе Высоких посетителей из комнаты Учетного Комитета, обращается внимание на существование башни, из которой открывается прекрасный вид на весь Нижний и окрестности.

13. Ко времени выхода Высоких Гостей из комнаты Комитета чины, собравшиеся в большом операционном зале, переходят в вестибюль и ожидают, не напирая друг на друга, прохода Гостей на лестницу. При начале схода Их с лестницы провожают Их кликами ура, но не сходя сами на лестницу.

14. Чины, собранные в помещениях мелкого кредита и сберегательной кассы и оставшиеся на своих местах после посещения сих помещений, также собираются, при проходе Гостей, в нижнем вестибюле и также провожают Посетителей кликами ура.

15. Министр Финансов, Управляющий Банком, Управляющий Отделением и Архитектор Покровский провожают Царскую семью до выхода на улицу.

“НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОК”, № 135 – Понедельник, 20 мая 1913 г.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

НОВОСЕЛЬЕ

Вчера нижегородская контора Государственного банка справляла новоселье. В новом здании банка состоялся парадный обед, кувертированный на двести человек, которому предшествовало маленькое торжество, выразившееся в подношениях и приветственных речах.

В комнате заседаний учетно-ссудного комитета около 5-ти ч. вечера собралась группа лиц для принесения поздравлений с новосельем и подношения хлеба-соли.

От учетно-ссудного комитета нижегородского отделения Государственного банка были поднесены на серебряном блюде хлеб и соль в особой серебряной солонке. На краях блюда вычеканены следующие надписи: “Нижегородскому отделению Государственного банка в день освящения нового здания банка в Нижнем-Новгороде хлеб-соль от членов учетно-ссудного комитета на новоселье”.

Затем следовали подписи членов комитета: “М.А. Дехтярев, М.Е. Башкиров, М.Е. Карпов, П.М. Морозов, П.И. Лельков, П.А. Рукин, В.И. Наумов, Д.В. Сироткин, Н.И. Окулов, Д.М. Пупцев, П.К. Сотников, В.С. Хохлов, М.И. Балин, Ф.В. Ассонов, П.И. Лыхин”.

Кроме того, учетно-ссудным комитетом отдельно поднесены: управляющему Государственным банком А.В. Коншину – иконостладень и лично управляющему нижегородской конторой Государственного банка Н.П. Полянскому – серебряный ковш художественной работы, в футляре.

От 6-ти нижегородских частных банков поднесены хлеб-соль на серебряном блюде, на дне которого изображено новое здание нижегородской конторы Государственного банка, а вокруг – снимки с зданий следующих 6-ти банков, участвовавших в подношении: Русского для внешней торговли, О-ва взаимного кредита, Волжско-Камского коммерческого, Русского торгово-промышленного, Николаевского городского общественного и нижегородского Купеческого банка.

От нижегородского биржевого комитета и нижегородского ярмарочного всероссийского купечества. От последнего серебряное блюдо поднес председатель ярмарочного комитета А.С. Салазкин, сказавший, при этом, остроумно построенную приветственную речь, основанную, так сказать, на аллегорическом изображении на блюде. На последнем изображены: 3 витязя-сеятеля, восходящая заря над высоким шпилем

здания и урожай в виде полных колосьев.

В громадной двухсветной операционной зале были установлены параллельно друг другу два длинных стола, приготовленные для обеда. Среди обедающих были: управляющий Государственным банком А.В. Коншин, г. начальник губерний гофмейстер В.М. Борзенко, преосвященные Иоаким и Геннадий, начальник местного гарнизона генерал-лейтенант Н.Я. Лопушанский, губернский предводитель дворянства камергер М.С. фон-Брин, управляющий казенною палатою А.А. Булгаков, начальник управления земледелия и государственных имуществ Н.А. Пономарев, управляющий акцизными сборами Нижегородской губернии Г.И. Рыковский, прокурор окружного суда Н.Н. Ульрих, председатель ярмарочного комитета А.С. Салазкин, городской голова Д.В. Сироткин, председатель губернской земской управы П.А. Демидов, председатель уездной земской управы А.А. Остафьев, строители и строительницы банка, некоторые уездные предводители дворянства, члены учетного комитета Государственного банка в полном составе, все директоры и управляющие местных частных банков, представители торгово-промышленных предприятий и пароходств, некоторые гласные городской думы, представители адвокатуры, некоторые директора средне-учебных заведений гор. Н.-Новгорода, командиры обоих пехотных полков – Екатеринбургского и Тобольского, полицеймейстер И.В. Фриммерман, начальник речной полиции генерал-майор Д.Ф. Шкот, все чиновники нижегородской конторы Государственного банка и мн. др.

В кладовой, расположенной над входом в залу, играл оркестр лейб-гвардии Семеновского полка.

Было много тостов. Г. управляющим Государственным банком был оглашен, выслушанный присутствующими стоя, текст верноподданнической телеграммы на имя Государя Императора, посланной в Кострому.

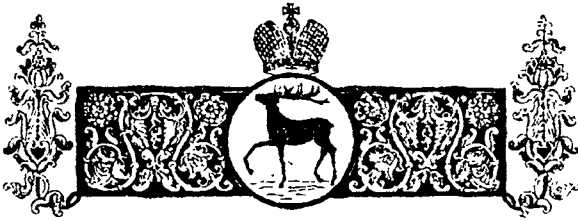
По окончании обеда было предложено гостям перебраться в служебный кабинет управляющего конторой и комнату заседаний учетного комитета, где было приготовлено кофе.

По случаю новоселья, здание банка было иллюминировано, что привлекло многочисленную публику.

Новое банковское здание откроется для операций, как мы слышали, в июне.

1613 = 1913

Управляющий Нижегородским Отделением Государственного Банка имеет честь покорнейше просить Вас, пожаловать 14-го мая в ... часов на освящение вновь выстроенного здания Нижегородского Отделения Государственного Банка и 19-го мая на обед в имеющийся быть в этом же здании:

Форма одежды на освящении: виц-мундир или фрак при белом галстуке, или сюртук при черном галстуке. Ордена и ленты. На обеде: форменный китель или сюртук при черном галстуке. Ордена и ленты. Для жен Г.г. военных – по установлению.

1613 -1913

Управляющий Нижегородским Отделением Государственного Банка имеет честь покорнейше просить Вас, Пожаловать 14-го с. мая в ... часов на освящение вновь выстроенного здания Нижегородского Отделения Государственного Банка и 19-го с. мая на обед в ... имеющий быть в этом же здании:

Форма одежды на освящении: виц-мундир или фрак при белом галстуке, или сюртук при черном галстуке. Ордена и ленты. На обеде: форменный китель или сюртук при черном галстуке. Ордена и ленты. Для жен Г.г. военных – по установлению.

Пригласительный билет на торжества по случаю открытия нового здания банка в Нижнем Новгороде.

ВОДИСЬ БУЮД

НА ОБЕДАХ 19 МАЯ 1913 ГОДА

- Закуска разная.
- Суп пармьеръ.
- Петушок разный
- Стерлядь перьески.
- Запавны, рѣбечки.
- Салатъ огурчй
- Паржа.
- Помебърз, морьоженье.
- Фрукты.
- Кофе, чай, амбѣры.

Приложение к пригласительному билету

НИЖЕГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
БАНКА

РОСПИСЬ БЛЮД
НА ОБЕДЕ 19 МАЯ 1913 года

Закуска разная.
Суп жардиньер.
Пирожки разные.
Стерляди по-русски.
Капланы, рябчики.
Салат огурцы.
Спаржа.
Пломбир, мороженое.
Фрукты.
Кофе, чай, ликеры:

Здравицы
имеют быть произнесены:

- За ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА - Управляющим Государственным банком
За Председателя Совета Министров
и Министра Финансов - Губернатором
За Управляющего Государственным
Банком - Губернским Предводителем Дворянства
За Губернатора - Управляющим Государственным Банком
За Преосвященных - Управляющим Отделением
За Губернского Предводителя дворянства - Губернатором
За Управляющего Нижегородским
Отделением, Сотрудников - Членов
Учетного Комитета и служащих - Вице-Губернатором
За Вице-Губернатора - Управляющим Отделением
За Городского голову и
Председателя Биржевого
Комитета - Управляющим Государственным Банком
За Председателя Ярмарочного
Биржевого Комитета - Управляющим Казенной палатой
За Управляющего Казенной Палатой и
всех чинов Министерства Финансов,
присутствующих на этом обеде - Председателем Ярмароч. Бирж.
Комитета
За Строительную Комиссию и
Архитектора Государственного Банка
Романа Петровича Голенишева - Уездным Предводит. Дворянства
За Автора проекта Владимира Александровича
Покровского и сотрудников - Управляющим Отделением
За присутствующих гостей - Управляющим Государственным
Банком

М. Ф.
 УПРАВЛЯЮЩИЙ
 НИЖЕГОРОДСКОЮ
 КОНТОРОЮ
 ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА
 3 Мая 1914 г.
 № 6
 Нижний-Новгород

*Ваше Превосходительство,
 Милостивый Государь
 Иван Павлович*

Позвольте принести Вашему Превосходительству мою почтительнейшую благодарность за предложение вакансии Управляющего Московскою Конторою. Само собою разумеется я готов исполнить Ваше желание и, насколько могу, постараюсь быть в Москве полезным; но меня смущают следующие обстоятельства:

Первое, меня очень беспокоят расходы на переезд. Банк на эти расходы очень мало отпускает, и я, переезжая в продолжении последних пятнадцати лет из города в город пять раз, постоянно затрачивал свои средства. - Второе, жизнь в таком крупном центре, как Москва, при бюджете, какой Московскому Управляющему полагается, совершенно разорительна и несомненно вызовет исключительно лишь своею службою. В третьих, на мою долю выпала слишком большая работа по Нижнему, следствием чего и было преобразование Отделения в Контору, а также по срочной постройке нового для Конторы здания, так что для меня на некоторое время не мешал бы и отдых: с 20-го Мая по 15 Июля я прошусь в отпуск.

Кроме того, Ваше Превосходительство, я совершенно заслуженно прошу об увеличении оклада Управляющему Нижегородскою Конторою до 7000 р. наравне с другими Конторами. За 1913-й год чистая прибыль в Нижнем 845 т. руб. и значительно превышает чистую прибыль многих других Контор. Затем, Ваше Превосходительство, я прошу о добавочной одной тысяче вознаграждения за Ярмарку (Представление от 19 Апреля с.г. за № 351). И о назначении одной тысячи рублей по расчетному Отделу (Представление 9-го Апреля с.г. за № 329).

Весьма естественно, что, не зная на сколько я буду обеспечен в Москве, я свое согласие изъясляю весьма нерешительно, так как честолюбивые мысли мною никогда не руководили. Все это заставляет меня вручить свою дальнейшую служебную судьбу попечению Вашего Превосходительства, так как не зная, на что я иду в Москву и имея вне всяких сомнений убеждение, что Управляющий Московскою Конторою Государственного Банка должен быть обеспечен не менее 15-18 т. руб. в год кроме квартиры, я с

большим спокойствием остался бы в Нижнем; при исполнении моих справедливых просьб о вышепоясненных просимых мною из разных ящиков трех тысячах.

Если и после сего возникнут какие либо сомнения, то соблаговолите телеграммой разрешить мне приехать по делам службы в С.Петербург для личных выяснений.

Почтительнейше прошу принять уверение в глубоком моем к Вашему Превосходительству уважении и истинной преданности.

Вашего Превосходительства покорный слуга

Николай Полянский

(Письмо адресовано Ивану Павловичу Шипову, Управляющему Государственным банком.)

Из справки Н.П. Полянского
директору Канцелярии
Государственного банка России
от 1.03.1914 г.

*“п.6. Нижегородское Отделение Государственного Банка за все время своей деятельности, со дня открытия с1868 года по 1909 год, – за 41 год – дало чистой прибыли 3637711 р. 90 к.
За пять же последних лет – с 1909 г. по 1914 год – при управляющем Полянском дало чистой прибыли 2500572 р. 82 к.,
из коих покрыты расходы по постройке нового дома – 946630 р.
В остатке, следовательно, чистой прибыли за последние пять лет 1553942 р. 82 к.”*

М. Ф.
УПРАВЛЯЮЩИЙ
НИЖЕГОРОДСКОЮ
КОНТОРОЮ
Государственного Банка
14 Мая 1914 г.
№
Нижний-Новгород

Милостивый Государь,
Борис Алексеевич.

По получении от Вас известия о том, что согласно моей телеграмме о принятии назначения в Москву будет представлен доклад, я счел долгом письмом принести его Превосходительству Управляющему Государственным Банком мою почтительнейшую благодарность. При чем не мог не высказать, что покидаю Нижний с большим сожалением. Относительно моего отпуска – предоставляю ходу дел. Если необходимо ехать в Москву до Ярмарки, то, подчиняясь обстоятельствам, буду просить разрешить мне отпуск на один месяц осенью в Октябре или Ноябре месяце уже из Москвы, а на два буду просить в следующем году. Одним словом предоставляю себя в полное распоряжение моего начальства. Да, Борис Алексеевич, в письме на имя его Превосходительства Ивана Павловича я может быть несколько неосторожно затронул финансовый вопрос, но думаю, что меня в этом извинят. Я ведь не из тех Управляющих, которые подкрепляют свой бюджет долгами. У меня долга нет никому ни копейки, за исключением ипотечного долга на клочке наследственной земли моей жены в Псковской губернии, сделанного вследствие частых переездов из города в город. Весьма понятно, что я не прочь бы узнать, на что в Москву еду, тем более, что Банк во всем до сих пор по отношению меня был очень скуп. Несмотря на все просьбы в прошлый мой приезд в Петербург, мне ничего не дали за постройку в Нижнем дома, между тем как я два года недосыпал ночей и, как председатель строительной комиссии, много имел своих личных на это дело расходов. Мало того, мне даже на ремонт моей мебели при переезде на новую квартиру ничего не дали. Не нашли возможным дать седьмую тысячу оклада, не дали за золотую кладовую по примеру Московской Конторы, и дают пустяки за Ярмарку при много-миллионных оборотах временного Отделения. При переезде из Воронежа в Нижний мне подъем дали всего лишь триста на рублей. Я ведь всего себя отдаю службе Государственному Банку и заботы

мои о себе по этому вполне естественны. Весьма скоро, может быть, мне и совсем придется оставить Государственную службу. Если я и написал, что Управляющий Московскою Конторою должен быть обеспечен не менее 15 т. р., то безусловно был в этом прав. Москва крупнейший торговый центр, город больших частных банков. Занимая такое видное место, как Управляющий Конторы Государственного Банка, он должен не только уметь, но и мочь принять и у себя тех, у кого бывает сам. Затем постоянные проезды чрез Москву, расходы на благотворительность и на известное – где следует представительство. Увеличить оклад конечно нельзя, но компенсировать наградами и другими какими-либо добавочными весьма возможно. Само собою разумеется, я покоряюсь всему тому, что будет возможно дать, так как на Государственной службе не торгуются, а лишь покорно просят и берут то, что дают и, если дадут, глубоко за это благодарят. Я только очень огорчен тем, если моим письмом и вообще моею некоторою нерешительностью обеспокоил, может быть, Его Превосходительство Ивана Павловича, которого давно глубоко уважаю.

Примите, Милостивый Государь Борис Алексеевич, мое уверение в полном моем к Вам уважении и отличной преданности.

Ваш покорный слуга Н. Полянский

(Письмо адресовано Борису Алексеевичу Беру, директору Канцелярии Государственного банка)

УПРАВЛЯЮЩІЙ
Нижегородской Конторы
Государственного
Банка.

г.Н.-Новгородъ.

Копія.
Секретно.

487

Милостивый Государь,

Георгій Яковлевичъ.

Вследствие письма отъ 19 сего іюня за № 87814, лишь честь уведомить Васъ, Милостивый Государь, что кладовая въ третьемъ этажѣ новаго зданія Нижегород - ской Конторы въ настоящее время приспособлена для хранения золота. Единственнымъ препятствіемъ для немедленной пріемки золота является недостатокъ личного состава Конторы какъ чиновниковъ, такъ и нижнихъ служителей для охраны двухъ кладовыхъ. Объ увеличеніи личного состава я вошелъ въ Банкъ съ представленіями: отъ 24 минувшаго мая за № 419-относительно чиновни - ковъ и отъ 30 мая за № 712 /въ Хозяйственную Часть/- относительно нижнихъ служителей. Если бы, однако, раз - рѣшеніе означенныхъ представленій по какимъ либо при - чинамъ замедлилось, то для безслагательнаго пріема золота необходимо увеличить составъ Конторы 1 кассо - внымъ чиновникомъ, 1 контрольнымъ, 1 счетчикомъ, 8 сто - рожамъ и 1 старшимъ вахтеромъ съ содержаніемъ 480 руб. въ годъ, для наблюденія за охраной зданія. Составъ

На 4/19/14
го Високородіи
Г.Я.
БЕНГОДСКОМУ.

N

Образец докладной записки.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
Нижегородскую Контору
Государственного Банка

Его Высокородию
Г.Я. Пржигодскому

Копия.
Секретно.

Милостивый Государь, Генрих Яковлевич.

Вследствие письма от 19 сего июня за № 87814, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что кладовая в третьем этаже нового здания Нижегородской Конторы в настоящее время приспособлена для хранения золота. Единственным препятствием для немедленной присылки золота является недостаток личного состава Конторы как чиновников, так и нижних служителей для охраны двух кладовых. Об увеличении личного состава я вошел в Банк с представлениями: от 24 минувшего мая за № 419 — относительно чиновников, и от 30 мая за № 712 (в Хозяйственную Часть) — относительно нижних служителей. Если бы, однако, разрешение означенных представлений по каким-либо причинам замедлилось, то для безотлагательного приема золота необходимо увеличить состав Конторы 1 кассовым чиновником, 1 контрольным, 1 счет-чиком, 8 сторожами и 1 старшим вахтером с содержанием 480 руб. В год, для наблюдения за охраной здания. Состав этот необходим для получения ценностей и взвешивания сумок на почте, а также для пересчета и взвешивания монеты в Конторе и охраны кладовых. Как только этот состав будет дан, то немедленно может быть начата присылка золота, которая может продолжаться и во время ярмарки, при непременно условии, чтобы ценности были адресованы Н.=Новгород.-город, так как в противном случае они будут доставлены почтовым ведомством в ярмарочное почтово-телеграфное Отделение, откуда доставка в город связана с громадными затруднениями.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в истинном почтении и совершенной преданности (подп.)

Ваш покорный слуга Н. Полянский.

С подлинным верно. Делопроизводитель (Подпись)

Июня 25 дня 1913 г. № 515

УПРАВЛЯЮЩІЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ
БАНКОМЪ

113

К о п і я.
Довѣрительно.

Милостивый Государь

Николай Гачковичъ.

Ваше Превосходительству
Н. П.
В о л я н с к о м у
13 мая 1914 г.
Нижній-Новгородъ
№ 30653.

Вслѣдствіе письма отъ 3 сего мая за № 6 счи-
таю долгомъ сообщить Вашему Превосходительству, что
вполнѣ раздѣляя приводимыя Вами соображенія о
затруднительности для Васъ въ настоящее время при-
нять назначеніе на должность Управляющаго Москов-
скою Конторою Государственнаго Банка, я въ отвѣтъ
посланной Вамъ, по моему порученію, Директоромъ Канце-
ляріи Банка телеграммы, не буду докладывать Господи-
ну Министру Финансовъ о возложеніи на Васъ обязан-
ностей по управленію Московскою Конторою.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и пре-
данности *Н. Шиповъ.*

Стрно: За Дѣлопроизводителя *Шиповъ.*

Образец служебной переписки.

КАНЦЕЛЯРИЯ.

ДОКЛАДЪ

по ходатайству объ отпускѣ.

504

И

Контора: Нижегородская
 Отделение: Управлений
 Должность: Полковник
 Фамилия: Полковский
 Срокъ испрашиваемого отпуска: съ 20 мая по 15 июля

СПРАВКА.

Когда и на какой срокъ былъ
 въ послѣдній разъ въ отпускѣ
 или командировкѣ

въ 1912 г. по 15 июля

Кто изъ чиновъ ^{Конторы} ^{Службы} отсут-
 ствуетъ, по какой причинѣ и
 когда возвращается

Виссарионъ Орловъ разрѣшилъ
 отсутствовать съ 11 декабря по 3 января
 1913 года. Старшій казначей
 Кочневъ на мѣсто

Канцелярія полагала бы разрѣшить отпускъ на съ 20 мая по 15 июля.

Директора

Старшій Диплопроизводитель

Смирновъ

28 апреля 1914 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

За последние восемьдесят лет в России сменилось три политических элиты. Первая, к которой принадлежал автор воспоминаний, действительный статский советник, чиновник по особым поручениям Николай Павлович Полянский, служила верой и правдой династии Романовых. Три века судьба этой элиты была неразрывно связана с Великой Империей. Читатель обратит, наверное, внимание на то, с каким почтением мемуарист говорит о “Государе Императоре”. Для управляющего нижегородским отделением государственного банка православие, самодержавие и народность были столпами, на которых, казалось, вечно будет стоять “святая Русь”.

Осознание полного краха, осознание неизбежности подчинения непреклонной воле эmissаров новой политической формации пришло слишком поздно. Даже скрываясь в глухой деревушке Лукино Балахнинского уезда Нижегородской губернии, питаясь “...1/2 криночки молока и кусочком черствого хлеба”, Николай Павлович еще надеялся на “несомненное наступление общего успокоения”. А впереди был жесточайший со времен Нерона террор, направленный с первых же дней Октябрьского переворота против верхушки правящих классов, а несколько позднее на полное истребление целых социальных слоев дореволюционной России.

Однако страшные события 1917-1918 годов в воспоминаниях Н.П. Полянского остаются практически “за кадром”. Николай Павлович лишь изредка упоминает об арестах, конфискациях, тюрьмах и расстрелах, подчеркивая, что “...в мою задачу описание революционного движения в Нижнем-Новгороде не входило” и основную часть воспоминаний отводит описанию своей профессиональной деятельности в Нижнем.

Безусловно, публикуемые материалы о конъюнктуре финансовых рынков, о деятельности нижегородской ярмарки, строительстве нового здания отделения банка не могут незаинтересовать читателя. На конкретных примерах Н.П. Полянский доказал правильность собственной концепции масштабах одного из крупнейших торгово-промышленных регионов капиталистической дореволюционной России.

“Производительные долги не страшны, – пишет Николай Павлович, – так как, если страна живет и развивается, то способов для погашения долгов можно найти сколько угодно”.

А несколько выше “...если бы и при ведении государственного хозяйства не побоялись бы в свое время задолжать миллиардов десять-пятнадцать, то и железных дорог было бы у нас сколько угодно, и флот и вооружение были бы, и, может быть, и войны у нас не было бы, а если бы и была, то результаты получились бы другие”.

Примечательно, что эта доктрина диаметрально противоположна установкам монетаристов, считающих, что количество денег в обращении является определяющим фактором формирования хозяйственной конъюнктуры. Доктор Брюлинг в Германии в начале тридцатых годов и спустя шестьдесят лет Гайдар в России положили в основу финансово-экономической политики всемерное сдерживание инфляции за счет урезания расходной части бюджета, главным образом, путем отказа от государственного финансирования целых отраслей. Как они полагали, наведение порядка в финансах откроет дорогу крупномасштабным зарубежным инвестициям. В результате обвал промышленного производства в Германии превысил 40% и к власти пришел Гитлер, а в России было положено начало развалу промышленности, уничтожению научно-технического потенциала и уходу не только с международных, но и внутренних рынков.

Наряду с верной стратегической линией Н.П. Полянский последовательно осуществлял преобразования тактического характера. Переход на новый сегмент рынка в сфере банковского кредитования – переориентация от заемщиков “первой категории” на средних и мелких заемщиков, представляющих наиболее крупный отряд предпринимателей в бурно развивающемся регионе – способствовал значительному росту операций банка.

Занимая видный пост и общаясь с крупными фигурами финансово-промышленного и политического мира дореволюционной России, Н.П. Полянский не ловчит, не интригует, не ищет, личной выгоды, отклоняя не одно заманчивое предложение. Ответственность за вверенное ему дело – основной мотив поведения. Может быть поэтому Николай Павлович, прежде чем занять столь ответственную ступеньку в иерархической лестнице системы государственного банка России, прошел долгий и трудный путь в своей карьере.

Недаром Н.П. Полянский в воспоминаниях, связанных с Псковом и не вошедших в данную книгу, пишет: “...работал, как вол, никогда не отказываясь ни от какой работы”. И спустя тридцать пять лет председателю строительной комиссии нового здания государственного банка в Нижнем Новгороде, весьма значитель-

ного сооружения по тем временам, **“...приходилось работать не только днем, но и по ночам”**.

Безусловно, доминантой в сфере интересов Николая Павловича являлось профессиональная деятельность. Однако читатель не может не уловить живого отклика автора на события общественной жизни, его умения насладиться трогательной неброской красотой нашей северной природы и сохранить любовь к своей маленькой родине.

Предлагаемая вниманию читателей книга – лишь небольшой фрагмент в обширном ряду публицистической, хронико-документальной литературы последнего десятилетия, посвященной предреволюционному периоду в истории царской России. Все новые и новые имена обретают плоть, восставая со страниц полуистлевших рукописей, десятилетиями хранившихся на дне пыльных сундуков; вновь и вновь мы знакомимся с новыми подробностями той далекой жизни, пытаюсь осмыслить, найти свой путь, свою собственную судьбу.

Удастся ли это нам или мы будем вновь долгие десятилетия блуждать в сумерках, подталкиваемые чьей-то рукой?

Хочется верить, что найдем. Очень хочется.

А.В. Полянский,
правнук Н.П. Полянского

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Акимов С.А. 55,56,57,58
Ассонов Ф.В. 69

Балин М.И. 69
Барач. 42
Барк П.Л. 12,13,14,16,24,25,27,28,48
Барк С.Л. 48
Баскаков Г.В. 59
Башкиров М.Е. 26,30,31,39,51,69
Башкиров Я..Е. 38,39
Башкирова Л.М. 51,52,62
Бер Б.А. 9,75,76,77,
Богоявленский И.В. 37
Борзенко В.Г. 42,70,73
Брюлинг. 83
Бугров Н.А. 38,39
Булгаков А.А. 70

Васильевы. 21
Виндельбандт В.В. 11,12
Волков Н.И. 38
Воробьев Я.З. 55,57
Второв Н.А. 25,26,27

Гайдар Е.Т. 83
Галл. 26
Ганчель В.Г. 56,57
Геннадий, священник. 70,73
Гирс А.Ф. 37,42,43
Гирс Л.А. 42
Глинка. 51
Голенищев-Кутузов М.И. 4,66
Голенищев И.П. 73
Гурьев А.П. 35,54
Гутьер А.Е. 7
Гущина Ю.Г. 4

Демидов П.А. 37,70
Дехтярев М.А. 69

Жмакин. 57
Золотарев. 42

Ильин Б.П. 51
Иоаким, священник. 70,73

Ирецкий А.М. 21

Калиновский. 57
Карпов М.Е. 69
Карпов П.И. 54
Келли. 19
Кинареева Е.А. 3
Коковцев В.Н. 10,14,48,67,68,73
Коковцева А.Ф. 48
Коншин А.Ф. 9,11,14,26,27,28,29,43,
44,45,67,68,69,70,73
Коншина К.П. 11,27,28,29
Кузнецов. 59
Кусевницкий С.А. 36

Лбов И.М. 39
Левестин Б.Н. 46
Лельков П.И. 69
Лопушанский Н.П. 70
Лыхин П.И. 69

Манасен Н.А. 46
Манасенна А.А. 46
Мандрыка А.Н. 46,60,61
Мандрыка Н.И. 46,61
Милловидовы. 58,60
Милютин А.И. 38
Минин. 29,34,35
Михайлов Н.П. 56
Морозов П.М. 69
Муратовы Н.П. и М.В. 46
Мухин А.А. 12

Наумов В.И. 69
Нейдгарт А.Б. 36,37
Ненароков Н.В. 46
Ненарокова Е.Г. 46
Нерон. 82
Никитина Д.Г. 48
Нилус Б.М. 14

Озеров С.С. 18
Окулов Н.И. 69
Остафьев А.А. 70

Пальчикова С.А. 19,21
Печаткин С.В. 46

- Печаткина Т.В. 46,58
 Пешурова В.А. 21
 Подтынников Ф. 22,51
 Пожарский. 29,35
 Покровский В.А. 4,29,67,68,73
 Полянская Е.Н. 5,58,60,61
 Полянская Ю.Г. 5,16,17,18,21,22,45,
 46,47,50,51,58,59,66
 Полянский А.Н. 5,16,50,51,59
 Полянский Г.Н. 5,49
 Полянский И.Н. 5,51,52,62
 Полянский П.Е. 3
 Полянский П.Н. 5,50,51,59,60,61
 Полянский У.Н. 5,49
 Пономарев Н.А. 42,46,70
 Пономарева Е.К. 42,46
 Пржигодский Г.Я. 79,80
 Пупцев Д.М. 68

 Романов И.Р. 55,56,58
 Рукин П.А. 26,30,69
 Рыковский Г.И. 70

 Салазкин А.С. 24,69,70,73
 Саша. 21,22,51,58
 Светлицкий А.И. 13
 Святополк-Мирской П.Д. 49
 Сироткин Д.В. 24,30,32,35,37,38,39,
 40,42,69,70,73

 Склянины. 54
 Скрипинский И.Ф. 39
 Сनावидов Н.В. 17
 Сनावидов П.Т. 17
 Сотников П.К. 70

 Ульрих Н.Н. 70

 Фон-Брин М.С. 37,70,73
 Федерс. 29
 Фесюков. 57
 Фриммерман И.В. 70

 Хахарев. 55,57
 Хвостов А.Н. 41,42
 Хохлов В.С. 69
 Хренников С.А. 54

 Чернебев Я.С. 39

 Шипов И.П. 13,16,24,25,27,28,74,75,
 75,76,77
 Шкот Д.Ф. 70
 Шрамченко М.Н. 40,41

 Янкин И.П. 7,38

Список сокращений

ГАПО - Государственный архив Псковской области

РГИА - Российский Государственный исторический архив

Список литературы и архивных документов, использованных при подготовке издания

1. Аленников Ю., "Зима в Зименках", "Нижегородская правда", № 7, 20 01.1995.
2. Андрианов Ю., Шамшурин В "Старый Нижний", Н.Новгород, 1994.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т II, с.917.
4. Весь Петербург. Адресная и справочная книга за 1916 г., ч. II
5. ГАПО (В), ф.369, оп.2, д 615.
6. ГАПО, ф 110, оп.1, д.905 - 908. Родословная Сनावидовых.
7. ГАПО, ф.110, оп.1, д.770, л.26
8. Голубев А.К. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях.1899.
9. Городская дума Нижнего Новгорода. Информационный вестник. Н.Новгород, 1995
10. Елисеев А. Рассказы о родном городе. Горьковское книжное изд-во, 1958.
11. История города Горького. Волжско-Вятское книжное изд-во, 1971.
12. Махеев Л. Замечательные люди Опочецкого уезда. Опочка, 1997.
13. Мирошников М., Процай Л., Шелаев Ю. Последний русский император. СПб, 1995.
14. Нижегородский Скрябинский альманах, № 1, Н.Новгород, 1995
15. Нижегородский листок, № 134, 19 мая 1913 г
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. XXXVIII. Отделение второе. 1863, СПб, 1866, № 40411.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. XLIII. Отделение второе. 1868, СПб, 1873, № 46174.
18. Полянский Н.П. Нижегородское губернское дворянское собрание. Дворянский альманах, в.2, Н.Новгород, 1997.
19. Жильяр П. Император Николай и его семья. Л., "Наука", 1990.
20. РГИА, ф. 587, оп. 15, д. 1017, л. 1 - 51.
21. РГИА, ф. 587, оп. 15, д. 1018.
22. РГИА, ф. 587, оп. 15, д. 796
23. РГИА, ф. 587, оп. 32, д. 1217.
24. РГИА, ф. 587, оп. 33, д. 1066.
25. РГИА, ф. 587, оп. 33, д. 1411.
26. РГИА, ф. 587, оп. 33, д. 997
27. Рукопись воспоминаний Н.П. Полянского, гл."Псков" (1871-1880 гг.).
28. Смирнов Д. Нижегородская старина. 1995.
29. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1868. Второе полугодие, № 690, СПб, 1868.
30. Спицын С.Ф. "Я покажу вам наши чудеса". 831 Нижегородский журнал, № 3, 1997.
31. Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. СПб, 1868., № 35
32. Шумков А.А. Род Голенищевых-Кутузовых. СПб, 1995. журнал, № 3, 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Нижний-Новгород (1909 - 1918)	
I	7
II	10
III	16
IV	23
V	28
VI	36
VII	40
VIII	43
IX	47
X	47
XI	52
XII	53
XIII	55
XV	59
Приложения	63
Послесловие	82
Указатель имен	85
Список использованной литературы и документов	87

Полянский Николай Павлович

Нижегородские воспоминания банкира

Литературный фонд России
Издательство писателей "Дума"
191186, СПб. Б. Конюшенная, 29
Лицензия ЛР №030267 от 07 05 1997
Подписано к печати 12 07 98
Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Гарнитура Ариал
Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 500 экз

Петербург и Псков, Тамбов и Воронеж, Рыбинск и Вологда, Елец и Ярославль - эти города России второй половины XIX столетия в описании очевидца того времени предстанут перед взором читателей в следующих книгах, готовящихся к изданию.

Ближайшим изданием будет книга воспоминаний Н. П. Полянского о его детских и юношеских годах, охватывающих период с 1855 по 1871 годы.

Предстоящие издания, как и настоящая книга, будут сопровождаться оригинальными фотографиями и документами из семейного архива Полянских, которые будут несомненно интересны всем читателям.
